

Мемчуары голодной попаданки

Наталья Владимировна

Ни один принц мимо не проскочит!

16+

Наталья Владимировна

Мемуары голодной попаданки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65682301

SelfPub; 2023

Аннотация

Заглянула в холодильник, а попала... в другой мир. Ура! Теперь без сомнения все мои мечты сбудутся: замки, принцы, магические способности. Попаданкам всегда везет. Нет? Не всегда? Ну, тогда придется приложить собственные усилия, чтобы восстановить замок, разоблачить местного злодея и самое главное – влюбить в себя лучшего мужчину на свете. Ане Метелкиной любая мечта по плечу!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	62
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Наталья Владимировна

Мемуары голодной

попаданки

Глава 1

Ночью я проснулась от жуткого голода. Ненакормленный желудок громко взывал к моей совести и требовал пищи. Увы, не духовной. Оно и понятно, согласно правилам новой диеты, легкий ужин из овощного постного салатика был в 17:30, а теперь – глубоко за полночь. Голодный живот ходил ходуном. Спать хотелось неимоверно, однако я прекрасно понимала – в любом случае не засну, лучше поскорее что-нибудь сжевать, чем до утра маяться.

Не разлепляя глаз, привычным маршрутом босиком пошла на кухню. Даже в крошечной темноте заблудиться в крошечной однокомнатной квартирке, доставшейся мне в наследство от двоюродной бабки, просто невозможно. Два шага от кровати – и вот я в тесном коридоре, поворот налево – здравствуй, лучший друг мой древний холодильник времен СССР. Это чудо техники мне также перепало от бабы Мани, которая за неимением других родственников вспомнила перед смертью о существовании «бедной сироты» и забрала от

тетки, где я жила с тех пор, как погибли в автокатастрофе родители. Бабка вскоре умерла, а я так и не смогла купить замену этому рыдвану. В отличие от бабы Мани меня терзала не ностальгия, а острая нехватка финансов. Несмотря на то, что я окончила кулинарный техникум на одни пятерки, брать меня на работу без связей и опыта даже самым младшим поваренком никто не желал. Впрочем, с моей внешностью в официантки тоже не принимали (им, видите ли, требовались юркие стройные девочки). А на зарплату посудомойки и уборщицы, увы, много не приобретёшь.

Потянув за ручку, раскрыла отчаянно сопротивляющуюся дверку. Старенький «Мир» недовольно хлюпнул, но позволил проникнуть в свое тёмное нутро. Лампочка внутри давно не работала, потому ничто не потревожило мою дремоту сквозь смеженные веки. Бездумно засунула руку и стала шлепать по пустым полкам в поиске яблока или моркови. Обычно они лежали у меня мытыми и готовенькими как раз на такой случай. Мечтала я, правда, в этот момент совсем о другом. Мне грезился толстый ломоть белого хлеба, свежего, пористого, с хрустящей корочкой. Умеренный слой сливочного масла, слатимого, мягкого, м-м-м. Щедрый кус вареной колбаски, нереально нежной, ароматной, с жирком. И, как последняя нота, без которой теряется вся прелесть кулинарной композиции, прозрачный ломтик желтого сыра, с дырками и тонким запахом молока. Словно наяву увидев столь вожаделенный бутерброд, я потянулась дальше, и...

Нет, мое лицо не встретилось с железными полками холодильника, как справедливо было бы ожидать. Я просто провалилась... вот даже не знаю куда. Приоткрыв на миг глаза и ослепнув от чрезмерно яркого, неестественного света, тут же сильно зажмурилась. Поток шквального ветра меня несло в неизвестную даль, воздушные завихрения с легкостью кружили мою тяжеловесную тушку. Счет времени я потеряла. А придя в себя, оказалась лежащей на достаточно твердой поверхности.

Слегка приподняв одно веко, сквозь ресницы убедилась, что свет больше не слепит и не режет глаза, после чего позволила себе нормально осмотреться.

Я лежала в густой и высокой траве придорожной поляны. Запах сочной зелени был по-летнему насыщенным, с примесью пыли и навоза. И никакого амбре бензина. Что-то подсказывало мне – дорога используется по назначению, причем преимущественно животным транспортом. Чуть приподнявшись на локтях, немного дальше обнаружила густой лиственный лес, а на достаточно большом расстоянии, у самой линии горизонта возвышалась каменная стена с башенками, как на старинных картинах. Пение птиц и стрекот кузнечиков дополняли идеалистический пейзаж, делая более объемным и реальным.

О, да! Боженька, ты меня услышал! Спасибо тебе огромное! Я – попаданка в иной мир!

В отличие от глупых девиц из любимых фэнтезийных ро-

манов не верить очевидным вещам я не собиралась, как и сомневаться в собственной адекватности. Да! Да! Да! Со мной произошло то, о чем я столько лет мечтала. Я снова упала на спину, раскинув в траве ноги и руки в разные стороны, наслаждаясь происходящим каждой клеточкой своего тела.

В прежнем унылом мире меня ничто не держало, ни ненавистная работа посудомойки & уборщицы в местной забегаловке, ни старенькая квартирка в бандитском районе на окраине города, ни тетка, которая хоть и приютила меня сиротинушку на 4 года, держала в черном теле хуже Золушки. Единственной отдушиной были книги. Самые разные, но большей частью любовные романы и фэнтези. Но что за беда, если, лишившись дорогих сердцу книг, я стану героиней одной из них.

Это, наконец, случилось! Я в ином мире. Вдохнула полной грудью незагазованный цивилизацией воздух. Согласно всем известным законам жанра при переходе я непременно была наделена какими-нибудь сверхспособностями. Интересно, что я теперь умею? Обращать одним взглядом врага в золотой слиток? Или, возможно, прикосновением лечить страждущих? Хотя какая разница, потом разберемся. Главное сейчас дождаться своего принца, или князя, а может самого властелина этого мира. Знаю, попаданкам иначе не положено. Только лучшее из лучшего. Толпы красавцев в поклонниках и один-единственный-неповторимый в роли суженого. А еще всевозможные блага: наряды, замки, каре-

ты. И все это на блюдечке с голубой каемочкой. Что ж, по-
ложим, подождем. Мне не к спеху. Скоро моя половинка про-
едет по дороге, увидит бедную девушку, попавшую в беду,
подойдет. А как разглядит ждущую его красу неземную...
Да, в своем мире я – пышка, которая толстеет только от од-
ного запаха еды и вечно сидит на диетах, при этом мужские
взгляды проходят либо мимо меня, либо насквозь. Здесь же
все иначе, здесь подобные пышные формы, уверена, ценят.
И на меня местным мужичкам смотреть одно удовольствие.
Ведь это мой фэнтезийный мир, где я – лучшее, что у них
могло появиться в жизни!

Вот так широко улыбаясь и мечтая, я задремала. А вернул
меня с облаков на бrenную землю поток ледяной воды, ко-
варно обрушившийся откуда-то сверху.

– Тону! – заголосила я во все горло, вскочив на ноги, и об-
наружила подле себя напуганного старичка. Низенького ро-
ста, сухонький такой, он стоял, широко расставив кривые но-
ги и вцепившись узловатыми пальцами в деревянное ведро.
Так вот откуда вода!

– Это... вы зачем меня так-то? – нашлась, наконец, я, от-
бивая зубами дробь под палящим солнцем и отряхиваясь.

– Так я это..., – в тон мне ответил мужичок, – мимо про-
езжал. Гляжу – девица без чувств валяется. Знамо дело – бе-
да приключилась. Помочь, думаю, надо. В чувства, так ска-
зать, привести. Да ты не благодари, уважаемая, вода туточки
рядом оказалась, по ту сторону от дороги колодец.

– Ну, да. Спасибо. – Вот мли-ин, и как я в таком виде теперь жениху-то своему покажусь? Словно мокрая дворовая кошка выгляжу, не лучше.

– А что произошло-то? Напал на тебя кто? Или голову припекло, и в обморок свалилась?

– Да не. Это я устала, прилегла, и заснула.

– А-а. Ну, тогда извиняй, уважаемая, оплошал.

– Бывает.

– Ты вообще куда шла-то? В город? Он скоро закрывается на ночь. А то может, садись со мной на телегу, подвезу, пока ворота открыты.

Я в удивлении оглянулась, и поняла, что действительно, солнце до того бывшее в зените, теперь прячется за лесом. М-да, запаздывает мой суженый. Придется самостоятельно устраиваться, а то ночевать без крыши над головой не особо хочется.

– Было бы здорово!

– Чёй говоришь-то?

– Спасибо, говорю. Выручите очень, – а потом, немного подумав, добавила, – уважаемый.

Сверкая на солнце лысой головой, старичок шустро поковылял к дороге. Там и стоял его транспорт вместе с клячей, повидавшей нелегкую, видать, жизнь. Повесив на крючок телеги пустое ведро, старичок уселся сам и махнул рукой мне, приглашая устраиваться удобнее на соломенной подстилке. Вот так вот, ждала принца на белом коне, а приехал старик

на дряхлой лошаденке. Ладно, мы не гордые, пока и этому буду рада.

– Давай знакомиться, уважаемая. Я дед Матвей. А тебя как величать?

Как-то уж больно официально. Хотелось в ответ назваться каким-нибудь пафосным и красивым именем, но все что-то в голову приходило не то. Пришлось сказать родное имечко.

– Аня я.

– И то хорошо. А чего в городе забыла Аня? – поинтересовался любопытный человек.

– Работу ищу, дедусь.

– От горемычная, – вздохнул старичок. Вот тут я с ним совершенно согласна, это лошади рождены для работы, а девушки – чтобы украшать жизнь достойных мужчин. Ну, ничего не поделаешь, раз пока такой мне не встретился. Но у меня все еще впереди. А сейчас нужно же на что-то жить, питаться.

– Ага, – поддержала разговор я, – поварихой хочу устроиться. Я знаете, как вкусно готовлю! Пальчики оближете! Не слышали, есть ли в городе какой приличный ресторан, где требовался бы профессиональный кулинар?

– Так ты что же – стряпуха, значить? – Удивленно воззрился на меня дед Матвей.

– Ну, можно сказать и так. Но готовлю не просто, а на высшем профессиональном уровне! – Я представила, как сейчас выяснится, что лучшему ресторану города требуется шеф-

повар, и до чего обрадуется хозяин заведения, стоит только появиться мне собственной персоной. В фантазии пролетали рецепты сложных изысканных блюд и образ меня, колдующей над ними, когда старческий голос вторгся и развеял прятные мечты:

– Во дела... А я уж грешным делом подумал... Что ж ты, девка, разоделась так непотребно, раз в стряпухи-то подалась? Чать не телеса свои продавать собралась, а умение кашеварить.

– Непотребно? – Я только сейчас обратила внимание на то, во что была одета.

Старенький летний сарафан яркой расцветки с глубоким декольте, в котором, как на витрине, красовалось все, чем так щедро меня одарила мать-природа. Подол чуть ниже колена и слегка протертые бока. Именно из-за явно намечающихся дыр и пришлось потратиться и купить новую вещь на лето. А сарафанчик собиралась выбросить, но все не поднималась рука, потому решила носить вместо ночной сорочки. Но, похоже, в подобном здесь не принято ходить.

– Так с мачехой живу, – взялась я самозабвенно врать, – в чем выпроводила, в том и пошла. Родителей у меня давно нет, наряжать некому. Хорошо хоть не голышом, и на том спасибо.

– Верно, верно. – Закивал старичок. – Я и смотрю, ни одежи, ни узелка с собой. Ох, горемычная.

– Ну, так что, дедусь, на счет ресторана?

– Нетусь в городе у нас никаких ресторанций.

– Это как так – нет. А куда же тогда приличные люди обедать ходят? – поразила я новости, спускающей меня на бrenную землю с кулинарных облаков.

– А вот так. Чать не столица. Приличные люди дома обедают. Жены им готовят или стряпухи. И еще есть единственная на весь город таверня. Хозяйка там готовит вкусно, и берет, конечно, дорого. Но ей помощники не надобны. У нее пять дочек на подхвате.

От услышанного я и вовсе скисла. В животе громко заурчало.

– От голода, – как бы извиняясь, пояснила я, – со вчерашнего вечера не ела.

– Ну, в этой беде я тебе легко помогу, – обрадовался дедок и откуда-то из глубин телеги выудил большой полотняной узел, который словно фокусник с особым пиететом раскрыл передо мной. Я чуть собственной слюной не захлебнулась: румяные пирожки, ломти домашнего ржаного хлеба с салом, головки белого лука. Съесть захотелось все и сразу.

– Угощайся красавица, – подбодрил меня дед Матвей, отправляя пирожок в рот прямо целиком.

Даром, что старичок мелкий, а еду принялся заглатывать, будто всю жизнь этому специально обучался. А я чего теряюсь? Так ведь мне ничего и не останется! Схватила и с жадностью вцепилась зубами в кусок хлеба с салом. М-м-м. Душистое, пряное, нашпигованное чесночком. Вкуснотища!

– Шпашибо, – пробормотала я с набитым ртом.

– Ешь-ешь, – усмехнулся дедок в жидкую бороденку, – красоту такую поддерживать нужно.

Ну, хоть в этом не ошиблась! Видать мужики здесь знают толк в богатых женских формах. Не то, что в моем мире – всем худышек подавай, да таких, которых ветром качает от хронического недоедания. Я гордо огладила круглые бока. Эх, сколько слез я из-за вас выплакала, пытаюсь хоть на сантиметрик-другой скинуть. Теперь уж заживу!

– И куда ж мне тебя свезти? – между тем размышлял дед Матвей, уписывая который уже по счету пирожок. – Кашеварить-то каждая баба умеет, потому в каждом хорошем доме имеется, а то и не одна. А че еще делать можешь?

Я пожала плечами. Так сразу и не вспомнить всех своих талантов. Заса-ада.

– Всего понемножку. Петь могу, у меня замечательный контральто. В кружок по рисованию ходила. Еще танец живота..., – я осеклась, при виде все более округлявшихся глаз старичка. Подавился, что ли? Моя ладонь скорее на инстинктах, нежели обдуманно, несколько раз прошлась по щуплой костлявой спине.

– Чево это? – Отмахиваясь от меня, закашлялся дед Матвей. Теперь точно подавился, но от руки помощи шарахнулся, как нашкодивший котенок от тапка. Ну и ладно.

– Талантливая, говорю со всех сторон.

– Ага-ага, хм, хм. Это хорошо, – задумчиво он пожевал

губами. И тут его лицо посветлело. — А знаешь чевось, отве-
зу-ка я тебя к Захарию.

Это что еще за фрукт? Но поинтересовалась, конечно,
вежливо:

— Кто это, дедусь, такой?

— Знакомец мой. Хозяин кабака. В городе бываю — обя-
зательно к нему заглядываю пропустить стаканчик-другой.
Стряпуха ему, знамо дело, не нужна, самогоном да виниш-
ком торгует, но думаю, баба для уборки не помешает. Давно
жалится, что после клиентов сра..., хм-хм, безобразие само-
му прибирать приходится.

— Забегаловка для пьяниц? — хмуро уточнила я.

— Да всяки люди к нему заходят. Но ты не думай, он че-
ловек порядочный. И сам не обидит, и другим не позволит.
Главное теперь самого уговорить, а то не на улице же тебя
оставлять. Девка справная, ночь наступит, и найдутся лю-
ди-добрые пригреют, да так, что во век не отмоешься, по
притонам мотаться будешь. Уж лучше полы драить от нечи-
стот, чем телом торговать. Аль не прав, красавица?

— Прав, дедусь, — вздохнула. — Благодарна я.

— То-то же.

Мы проехали подъемный мост на гигантских железных
цепях без какого-либо досмотра. Стража возле городских
ворот вовсе отсутствовала. Лишь в караульной светил ого-
нек, указывая на то, что за порядком здесь все-таки кто-то
следит. Миновали несколько улиц окраины, не углубляясь к

центру, и добрались до покосившегося двухэтажного дома. Просторного, но уж больно запущенного без любящей и мастеровой руки хозяина.

Крыша, как у лихого паренька картуз, была заломлена набок. Дверь, не закрываясь, повисла на ржавых сломанных петлях. Плетень лежал на заросшей малине, не доставая до земли лишь благодаря настырному кусту, который тянулся вверх вопреки всему, заодно подпирая хлипкую ограду.

– Кажется, Захарий не только торгует самогоном, но и сам не прочь к нему приложиться? – вырвалось у меня.

Дед Матвей хитро хмыкнул в бороденку:

– Ты девка умная, разберешься.

– Ага, – деваться-то некуда. Спрыгнула с повозки и чуть не упала, поскользнувшись на помойной жиже, разлитой на и без того разухабистой дороге. Просто блеск! Здесь кто живет, что подобное свинство творится прямо возле жилых домов? Осмотреться не получилось, солнце уже зашло за горизонт, и город постепенно укутывался в ночную тьму. Я отошла к траве, старательно вытирая об нее голые пятки.

Из кабака шум разносился по всей неосвещенной улице. Слышались мужские голоса, мат, хохот, пение. Стоял устойчивый запах перегара в радиусе ста метров. Окна заведения скупо проливали на дорогу немного света, которого хватало лишь на то, чтобы дойти до дома, не наступив в нечистоты.

Я сделала шаг в направлении кабака, но сухонькая ручка меня остановила, ухватив за локоть.

– Мы с тобой, девонька с другой стороны зайдем. Негоже тебе в таком виде пред честным народом показываться.

Ну да, ну да. Еще оскорблю взор благородных пьяниц и местных бомжей. Впрочем, дед Матвей, конечно же, прав. Полуголой не стоит дефилировать перед носом у разогретых алкоголем мужиков, особенно если они недостаточно воспитаны, чтобы уважать женский пол. Лучше уж с черного хода. Мы не гордые.

Старичок взял лошадку под уздцы и повел за дом. Там оказались хозяйственные постройки, тоже, как все здесь, запущенные. Распрягать животное дед Матвей не стал, лишь хорошенько привязал к шаткой перекладине.

– Как-нибудь уж потерпишь до утра, Красотка, – прокряхтел он, хлопая по шее серую клячу и отмеряя ей щедрую порцию овса, припасенного в телеге. – А то не ровен час позарится кто, я ж без тебя совсем пропаду.

Он трогательно извинялся перед лошадыю за то, что не дает ей отдохнуть после долгого пути, и та понятливо кивала, кося лиловым глазом, не отрываясь от кормушки и ни на миг не переставая жевать.

– Ну, все. Теперь пошли тебя пристраивать, – наконец махнул рукой он мне и зашагал к дому.

Хотелось бы мне сказать, что сердце затрепетало в предвкушении новых приключений, или замерло, испуганной птицей, предчувствуя скорую встречу с возлюбленным. Но нет. И внутренние органы вели себя по-прежнему, и события

развивались, противореча желанному сценарию.

Дверь черного хода, а вернее сказать «для своих» оказалась в гораздо лучшем состоянии, нежели парадная. Видимо, ею нечасто пользовались. С опаской перешагнув через грязный порог, ожидала увидеть помещение, наполненное дебоширами и выпивохами, а оказалась на маленькой пыльной кухоньке. Свет из общего зала сквозь раскрытую дверь скудно освещал комнатку, в которой царил невероятный беспорядок. Всюду наставлена грязная посуда, валялись воняющие объедки и пустые бутылки, с потолка провисала паутина.

– Опустился мужик, да, – кряхтел дед Матвей, сгребая ладонью со стола слой пыли, – раньше как-то еще держался, а последнее время вообще пошел вразнос.

Прошаркал к освещенному входу в зал:

– Захарий! За-аха-ари-ий!

– Кто там? – В кухню ввалился здоровый бугай, почти полностью заслоняя собой дверной проем и падающий оттуда свет. Он долго вглядывался в темноту и соображал, кто же к нему пожаловал, пока наконец определил. – А-а-а! Матвей! Вот это сюрприз! Где же ты пропадал старый нелюдь? Я уж думал, ты давно окочурился.

Меня передернуло от громоподобного голоса и грубых слов. Но старика подобный прием не смутил.

– Да стар я уже для путешествий, редко бываю в городе. Вот приехал, дай думаю зайду, как обычно, угоститься первачком да заночевать у тебя в сарае. Пустишь?

– Отчего же не пустить. Спи, жалко, что ль. – Захарий со скучной миной почесал оголенную в распахнутом вороте волосатую грудь. – А чего не идешь к народу? С каких это пор по углам прячешься?

– Так дело у меня к тебе есть, – дед Матвей помялся. – Ты бы свечку принес, а?

– Принесу, раз уж надо.

Мужик надолго ушёл, а вернувшись с зажженным огарком, так и замер, обнаружив на своей кухне меня.

Мы уставились друг на друга, разглядывая с большим любопытством. Захарий оказался колоритной личностью. Под два метра росту, широченный в плечах, он напомнил мне сказочных богатырей, не хватало только на голове шишака со смешной пипочкой в наверху. Буйная бурая грива нечёсанных волос торчала во все стороны. Всклоченная борода с застрявшим в ней мусором, если и стриглась когда-нибудь, то исключительно на скорую руку, чтоб не мешала. Широкие скулы и крупный нос с горбинкой выделялись на фоне волосяной растительности и придавали облику некую ожесточенность. Густые черные брови и хмурые колючие глаза также не добавляли немолодому лицу привлекательности. Крестьянская рубаха оказалась заношенной настолько, что о первоначальном цвете оставалось только догадываться. О штанах, впрочем, можно было сказать то же самое. А сапоги, похоже, не снимались ни в какую погоду и постепенно разваливались прямо на ногах.

Первым отмер Захарий, недовольно сдвинув брови к переносице:

– А это что еще за пампушка? А, Матвей?

Как он меня назвал? Пампушкой? А как же мир, в котором поклоняются дамам с пышными формами? И снова я получается в пролете? Даже этому уроду не нравлюсь? Ну, все! Враг номер один для меня определен!

– Никак на старость лет решил гульнуть?

– Скажешь тоже, Захарий! – Старичок замахал руками. – Это и есть мое к тебе дело. Аней зовут.

Мужик шлепнул плоску со свечным огарком на стол и с отвращением сплюнул на пол:

– Борделя у меня здесь не будет. – Он уже повернулся к нам широченной спиной, чтоб уйти, как дед Матвей проворно преградил громиле путь отступления. Во дает! И не боится же.

– Как у тебя язык повернулся такое сказать, окаянный, – зашипел старик. – Девчонка в беду попала, помочь нужно, а ты... Эх, Захарий, Захарий, не таким я тебя знал, не таким.

– Тот Захарий давно умер, – буркнул мужик, но повернулся ко мне, снова недобро разглядывая. Он сложил руки на груди, и меня пробрал озноб: огромные кулачищи и мощные предплечья, перевитые веревками вен, внушали серьезные опасения, что если хозяину вздумается пустить в ход силу, то от бедной Анечки только мокрое место и останется.

– Да ежели бы мне бордель нужен был, не к тебе бы об-

ратился. Тут видишь, како дело, девку в чем мать родила из дома выгнали, в город работать отправили. А куда ж ее возмут-то, да еще в таком виде?

– Ясно дело куда...

– Вот и я о том же. Помоги.

– А я тут причем? – кустистые брови взлетели вверх. – У меня не богадельня.

– А тебя никто и не просит нахлебников привечать. Ты ж хотел помощника – полы драить, вот и возьми.

– Так пацана собирался брать. На кой ляд мне баба среди мужиков? – он оглянулся на распахнутую дверь в общий зал и тихо прикрыл.

– Ну и что, что баба. Баба она и лучше даже – все тебе как надо по-людски вымоет да приберет. А то, что народ у тебя тут всякий ошивается, так защитишь. Разве кто против тебя пойдет?

Захарий несогласно замотал головой. А я почувствовала сильное облегчение. Уж я точно не мечтала остаться в этом свинарнике, да еще под патронажем монстроподобного типа. Выразительно глянула на дедка, пытаясь соорудить как можно более жалостливую мордочку, мол «пошли отсюда, дедусь, чего-нибудь другое придумаем, побезопаснее». Но старичок, видно, мою клоунату совсем по-другому понял и принялся еще активнее меня навязывать.

– А не придется девка ко двору, так хоть пообтешется в городе. На первое время будет, где голову приклонить – уже

хорошо. А там глядишь, и найдет себе другое место, более подходящее.

Последний аргумент, видимо, возымел действие, Захарий глянул в мою сторону без прежнего отвращения, задумчиво так. А дед Матвей, почуяв слабинку хозяина кабака, усилил напор.

– Помоги девчонке, Захарий. Перед богами воздастся, чать, не святой по земле ходишь, будет, чем искупить грехи прежние. Ну, куда она на ночь глядя в подобной одежде? Не вводи ребенка в грех!

– Да ей и спать-то у меня негде, – в последней попытке отвертеться от навязанной обузы прохрипел здоровяк.

– А любой уголок за дворец сойдет. Она девчонка неприхотливая, у мачехи росла. Все не на улице. Сам чать слышал про убийства в городе.

Захарий тяжело вздохнул и устало махнул рукой, соглашаясь.

– Ну, вот и ладненько, – расслабился дедок. – А теперь угости старика своим первачком.

Недовольный мужик кивнул:

– Сейчас подойду, – и уже мне, – топай за мной, пампушка.

Вот ведь... нехороший человек! Я обижено засопела, а дед Матвей меня погладил по голове.

– А он не...? Он меня ...? – зашептала испуганно я, породственному обнимая сухонькое тельце.

– Не бойся, он только с виду такой суровый, а так добрейшей души человек.

Ох, что-то не верится. Но податься действительно больше некуда.

– Спасибо, дедусь, выручил.

– Будет, будет. – Смахнул старичок непрошеную слезу в уголке глаза. – Иди уже, а то неровен час передумает.

Я бросилась догонять хозяина, который забрав свечу и оставив нас в потемках, уже почти поднялся по крутой скрипучей лестнице на второй этаж. Шлепая босыми пятками, я ощутила склизкое засаленное дерево ступенек и содрогнулась от отвращения. Перил предусмотрительно даже касаться не стала.

Но самое интересное ждало меня наверху.

Глава 2

Второй этаж оказался практически полностью погребен под провалившейся крышей. Лишь небольшой закуток по правую руку не был завален упавшими досками и балками. Туда мужчина и завернул. Распахнув перед моим носом одну из двух скособоченных дверей, сам зашел в другую и вышел, держа в руках тонкое одеяло. Сунул мне в руки вместе с плоской, на которой догорал оплывший остаток свечи.

– Располагайся, – только и сказал он, протиснувшись мимо меня и спускаясь обратно в шумный зал.

Я осторожно шагнула внутрь предложенной мне komórки, освещая путь и заодно осматриваясь. М-да. Это помещение не пострадало от обрушения кровли, но и на жилую комнату не тянуло, причем не только из-за скромных размеров, но и по причине отсутствия окна. Раньше здесь, скорее всего, был чулан. Вон полки пустые остались, наверняка на них белье чистое хранилось. А в углу какие-то тряпки – должно быть, ветошь для хозяйственных работ. На стенах крючках с кружевами паутины соседствовала засохшая косица незнакомых трав – уверена, именно от нее стоит такой резкий невыносимый запах, завтра обязательно выкину эту «красоту». Кровати, разумеется, нет, собственно, как и места, где можно устроить лежанку. Придется на пол между стеллажами и стеной лечь, скрючившись в загогулину. О-хо-

хо-юшки.

Я поставила плошку со свечкой на одну из полок и развернула одеяло настолько замызганное и вонючее, что захотелось немедленно выкинуть эту гадость. Но пол, покрытый толстым слоем грязи и пыли, не позволил мне подобной роскоши. Пришлось кинуть на подгнившие доски и улечься поверх. Не так я представляла попадание в чужой мир. Совсем не так. Даже нет возможности власть погрузить о прошлом и будущем как полагается, глядя в окно на звезды.

Снизу послышалась громкая брань и звуки ломаемой мебели. Пьяная драка. Ужас! Надеюсь, никто не додумается забраться сюда. Дед Матвей обещал, что Захарий защитит. Но как бы сам этот хозяин спяну чего не удумал. Так зыркал на меня, словно я во всех его несчастьях виновата.

Огарок закончился, предательски потухнув и оставив меня в крошечной тьме. Вот непруха! На дальнейшие размышления о собственной невезучести меня просто не хватило, так как, несмотря на непривычные условия, шум, доносившийся с первого этажа, и незнакомое место, заснула я на несколько часов беспробудным сном.

А проснулась, когда уже светало. В доме стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом из соседнего угла, там, где я вечером заметила ветошь. Еще толком не придя в себя, протянула руку и встряхнула тряпье. Из него посыпалось что-то мелкое, серое и ... живое! Потревоженное мышинное семейство бросилось в рассыпную, а я дурую заголосила на весь

дом, пятясь к стеллажу и пытаясь при этом запихнуть на полку свою малограциозную тушку.

Мой визг еще не успел утихнуть, а в каморку уже ввалился сонный Захарий с еще более встрепанной шевелюрой, чем вчера, и выпученными глазами безумца. Этого выдержать моя психика просто не могла.

– Деду-у-усь! – заорала я так, как только позволили ненадтренированные подобными упражнениями легкие, и чудесным образом оказалась на самой верхотуре.

– Матве-е-ей! – взревел трубным голосом во всю свою мощь Захарий, ни на миллиметр не приближаясь ко мне. – Мать твою за ногу! Кого ты мне всучил?! – Казалось стены и без того полуразрушенного здания не выдержат и сложаются сейчас, как карточный домик.

Осознав, что этот бугай с помятым лицом и одеждой – верно так и спал, не раздеваясь – моей безопасности вовсе не угрожает, я закрыла рот и ошалело уставилась на него. Он – на меня, вопросительно и зло.

– Ну? – не выдержал мужик. – Чего орем?

– Мы-мыши.

– И???

– И вы.

– А что я?

– Вбежали и кричите.

– Вообще-то, пампушка, кричишь у нас ты. Башка и без того словно ведро с камнями, а ты будишь своим визгом. Я

уж думал, что-то стряслось, а тут..., — он зло сплюнул и развернулся уходить. — Пойду спать, раз все нормально.

— А я? — жалко пролепетала, уставившись в широкую спину рассерженного хозяина.

— А ты полы на первом этаже помой, раз не спится.

— Чем?

— Чего чем?

— Чем мыть?

— Ты издеваешься? — он все-таки повернул ко мне бородатое лицо, сверкая недобрым взглядом. — Водой и тряпкой!

— Где взять?

— Тряпку с ведром под крыльцом. Воду в колодце, — Захарий говорил сквозь зубы, явно теряя терпение. Наверно он считал, я должна сама догадаться, где у него что лежит. Вот только от здешних реалий я далека, а потому вряд ли отыскала бы сама нужные мне вещи.

— Хорошо.

— И да, — бросил напоследок, — Ты б не сидела там, доски, небось, совсем прогнившие...

И тут подо мной подозрительно крикнуло. Я не успела даже сообразить, что это злополучная полка не выдержала-таки моего веса, как полетела вниз. Реакция Захария поразила молниеносностью. Мгновение — я на руках гиганта, еще миг — и стою на полу, а мужик уходит от меня, грозно хлопнув дверью.

— Сы-спасибо, — шепчу в пустоту и понимаю, что хозяин

невзлюбил меня еще больше прежнего. Разбудила я его! Сам виноват, развел тут целый зверинец! Поворчав немного про себя, решила, что заглажу вину, наготовив ему всякой вкуснятины. Мне ли не знать, как мужской пол падок на еду.

Покосившись в угол с тряпками и мышиным пометом, бочком вышла из комнаты. Вот кто бы мог подумать, что мне, городской жительнице, придется столкнуться нос к носу с мышами, которые будут не в аквариуме зоомагазина резвиться за стеклом, а спать рядышком по соседству со мной? Наверняка это от них такой ужасный запах в коморке.

Мои осторожные шаги по скрипучим ступеням раздавались по всему притихшему дому. Что тут у нас? На первом этаже небольшой коридор от лестницы вел в кухню, и я решила сначала исследовать крыльцо черного хода на наличие необходимых мне для уборки предметов. К сожалению, ничего подобного там не оказалось, дверь прямым ходом выходила на заросший бурьяном огород, а петляющая от порога тропинка вела к хозяйственным постройкам. Пришлось взять курс на парадное крыльцо, для чего потребовалось выйти в зал. Посетители, разумеется, помещение давно покинули, разойдясь под утро и оставив после себя крепкий дух перегара. Я шла по липкому полу, залитому спиртным, затоптанному грязью, заплеванному местными пьянчугами – не похоже, что вообще его когда-нибудь мыли – и поднимала, попадавшие мне по пути, табуреты. За что же мне взяться в первую очередь? Всюду валялись перевернутые лавки и столы, об-

ломки мебели, пустые деревянные кружки и оставшиеся после ночных разборок глиняные черепки. Начинать нужно явно не с мытья полов. Повезло, что под пресловутым крыльцом отыскалась обтрепанная метла с редкими прутьями, а не только обещанные ведро с тряпкой. Совок, к сожалению, не обнаружился. Ну, да ладно, что-нибудь приспособлю.

Я принялась старательно выметать мусор из первого попавшегося угла. Не знаю, когда Захарий последний раз тут прибирался, но грязи оказалось даже больше, чем мне думалось поначалу. Сдвигая в кучу плоды вчерашней попойки, я нашла отличный кусок половицы, на который сгребла ближайшие ко мне черепки и щепки, чтобы вынести в мусорный бак, ну, или куда тут обычно складывают отбросы. Вот только выйдя на улицу и оглядевшись, выяснила, что склад мусора здесь... везде. Дом Захария стоял не просто на отшибе, а на приличном расстоянии от окраины города, и ведущая к нему дорога, если вообще можно так назвать две длинные выбоины в земляном месиве, словно постовыми сопровождалась то тут, то там помойными горками.

Куда-то я не туда попала, это точно. И если с отсутствием жениха голубых кровей и королевского дворца еще можно смириться, то жить вот в таком местечке – пожалуйста, увольте! Сейчас приберусь в благодарность за ночлег, сварю обед и пойду искать работу поинтереснее, а место проживания поуютнее. Уверена, негостеприимный Захарий только рад будет.

С еще большим рвением я взялась выгребать мусор. Фрагменты бывшей посуды и порядком поломанной обстановки – на выброс. Самодельные кружки – на барную стойку. Целую мебель – к стене. Тяжелая скамья будто приросла к полу и не желала ни в какую двигаться с места, поэтому я обошла ее с другой стороны и... принялась жадно хватать ртом воздух, пытаясь хоть глоток пропихнуть в легкие. На полу под столом лежал мужичок в луже крови. Желто-зеленое одутловатое лицо застыло восковой маской в мучительной гримасе, дыхание отсутствовало, а конечности раскинулись под неестественным углом.

Я протянула два пальца к сонной артерии, пытаясь нащупать сердцебиение, но лед чужой кожи ясно дал понять, что жизни здесь нет, и спутал в голове оставшиеся мысли. Меня накрыла паника. Бежать! Куда? Звать на помощь! Кого? Мама!

В один прыжок отскочила к входной двери и, набрав в грудь побольше воздуха, выпустила вместе с именем, как считала на тот момент, спасителя.

– За-аха-ари-ий!

Свою ошибку я осознала в ту же секунду. Недовольный амбал кубарем скатился с лестницы и влетел в зал. Смотреть ему в глаза было откровенно страшно. Мысли заметались словно сонм испуганных бабочек. А что если это он пришиб беднягу, который лежит под столом? Говорил же дед Матвей про какие-то убийства в городе. Я, выходит, нежеланный

свидетель? И что теперь со мной будет? Закопает в одной из мусорных куч на дороге? Интересно, сколько там уже похоронено народу? Вспомнит ли обо мне дед Матвей, когда спустя длительное время окажется здесь снова проездом? И даже если да, станет ли искать случайную попутчицу, которую по доброте душевной пристроил на работу к старому приятелю?

Обнаружив меня в зале живой и здоровой, Захарий заметно расслабился, и даже распрямылся, до того весь сжавшийся пружиной, приготовившись к атаке. Но вот ярость, закипавшую в глазах, мужик сдерживал с большим трудом, сжимая и разжимая кулаки-кувалды.

– Матве-е-й!!! – взревел раненым лосем и выскочил во двор. – Забирай свою девку, и валите подальше отсюда!

Мат и угрозы, правда, длились недолго, вскоре стихнув. Вернулся хозяин кабака без старичка и еще более озверевший.

– Старая лисья задница! Это надо же так нагреть! – громыхал он. – Чать после первых же твоих воплей сбежал отсюда, теряя лапти. Если вообще ночевал у меня.

Несколько минут мужик иступлено метался от стены к стене, негодуя на вероломство деда, который так ловко, шельмец, подкинул ему крикливую заразу, то бишь меня. Видать в отместку за дорогую выпивку или неуютный постой. Вдоволь находившись, Захарий вспомнил про мое присутствие и отыскал глазами сжавшуюся в уголке.

– Горластая чума! – и двинулся на меня.

Все, нашла бедная Анечка в этом мире не принца и полкоролевства, а свой бесславный конец от рук невменяемого головореза. Я зажмурилась и приготовилась гордо принять предназначенную судьбой-злодейкой жестокую казнь. Впрочем, не дождалась. Тогда решила осторожно разведать сквозь ресницы окружающую обстановку и обнаружила нависшего надо мной мужика. Какой же он все-таки огромный! Его взгляд недобро буравил меня.

– Ну? – рыкнул, ожидая объяснений.

– Му-ма-ме...

– Если снова мыши, я тебя вместе с ними запру в одной кладовке, – пообещал он, выдвигая вперед квадратную челюсть, – на неделю, чтобы сдружились и не смущали друг друга.

Я отчаянно замотала головой и указала пальцем под стоящий рядом с Захарием стол.

– Ме-ме-мертвец.

Лохматые брови вскинулись в удивлении. Выходит, труп не его рук дело? И то радость! Нырнув под столешницу, косматый верзила достал за шиворот мужичонку и, держа на вытянутой руке, словно кутенка осмотрел со всех сторон, совершенно не ощущая веса пропойцы.

– Этот что ли?

– Ну, да.

Захарий хорошенько встряхнул пьянчужку, и ... тот ожил,

промычав что-то нечленораздельное и сладко причмокивая губами. Теперь уже была моя очередь удивляться:

– Жи-во-ой... Но... я ведь проверяла... Он не двигался, не дышал...

– Спал.

– И кровь... красная... и липкая...

– Наливка.

Не удивительно, что померещилась всякая жуть – через мутные засиженные мухами окна дневной свет попадал так скупо, будто в погребке или какой землянке находишься.

– Он был холодный, – схватила я за последний аргумент, пытаюсь хоть как-то оправдаться.

Мужик устало вздохнул и, распахнув мощным ударом ноги дверь, вышел на улицу, где и бросил свою ношу прямо посереде дороги. После чего также молча взял ведро и сходил к колодцу.

Бухнув передо мной деревянную бадейку так, что часть ледяной воды окатила мои босые ноги, Захарий потребовал:

– Больше меня не будить! Делай то, за что получаешь крышу над головой, и веди себя тихо.

– А...

– Прошу, сделай так, чтобы я забыл про твое существование, – он удалился, тяжело ступая и горбясь, зыркнув напоследок и вызвав в моем теле волну испуганных мурашек.

Поняла. Будет исполнено. Существовать тихо и незаметно. Только почувствовав нехватку воздуха в легких, осозна-

ла, что слишком надолго задержала дыхание. Выдохнула и огляделась. Чем я до того занималась? Ах, да, мусор. Еще половина зала неприбранной осталась. Интересно, а воду подогреть где-нибудь можно?

До самого вечера я мыла, скребла, оттирала, выметала. Разогреть воду, конечно же, не смогла. Но вот эксплуатацию колодца вполне освоила, множество раз сменив воду в ведре. К концу дня все тело болело, каждая мышца давала о себе знать при малейшем движении, поясница и конечности отказывались сгибаться, а живот сводило от голода. Зато на комнату стало любо-дорого посмотреть. Прозрачные окна сияли в лучах закатного солнца, потолки, освобожденные от паутины, поражали высотой и открывшимся простором, столы, лавки и стулья без толстого сального налета приобрели первоначальный древесный цвет и придавали помещению некий уют и душевность. Но более всего я гордилась отмытым полом, половицы которого оказались хоть и порядочно затертыми, а в нескольких местах даже проломанными, но с остатками красивого лакового покрытия.

Захарий вошел в комнату, когда я стояла подбоченясь и созерцала свою работу. Мужика буквально парализовало, в движении остались только глаза, которые, выкатившись на лоб, бегали из стороны в сторону, не узнавая собственное помещение. И я никак не могла понять – доволен хозяин кабака или разъярен, поэтому на всякий случай отодвинулась от него подальше.

Время шло, а Захарий все не двигался с места. С нечѣсных волос капала вода и у ног уже собралась небольшая лужица. Видимо, купался в местном озере или речке. Так вот куда он не так давно отлучался. Понятно теперь, почему не зарос еще грязью, раз природный водоем к его ежедневным услугам. Мог бы и меня что ли позвать, я вон вся совсем пропотела, пока вкалывала на него. Так бы, наверное, и стояли, Захарий в ступоре, а я, боясь пошевелиться и вызвать на себя очередной шквал недовольства мецената местного разлива, но тут заскрипела входная дверь, и на пороге появился утренний знакомец, опухший, с подбитым глазом и торчащими вверх жидкими волосенками. Ни на кого не глядя, он протопал в центр зала, свалился мешком на лавку и, грохнувшись по столу кулаком, потребовал:

– Захарий, покрепче дурмана!

– Ты сегодня слишком рано, – пробурчал тот. – Я еще не открывался.

Клиент захрюкал, то ли засмеявшись, то ли закашлявшись:

– Тута разве хоть одна дверь закрывается? Ладно тебе, не бузи. Тащи давай, трубы горят.

Хозяин ушел за выпивкой, а я пыталась сообразить, как намекнуть Захарию о том, что меня неплохо бы покормить – с утра ни крошки во рту, а самой кашеварить – уже сил нет. В этот момент посетитель разлепил один глаз и впялил в меня мутный взгляд, увиденное его, похоже, заинтересовало,

так как второе веко тоже приоткрылось. Я вспомнила, что моя одежда не соответствует нормам морали, и метнулась было к двери, но пьянчужка оказался неожиданно резвым и, выскочив из-за стола, заступил мне путь. Мутные глазенки принялись жадно шарить по моему телу, и казалось, оставляли на оголенной коже липкие следы. Меня передернуло от гадливости. Я отступила на шаг, потом еще на два и уперлась лопатками в барную стойку. Все, отходить больше некуда. Пьянчужка это тоже понял, самодовольно ослабил и не спеша направился ко мне, широко разведя руки. Я судорожно перескакивала взглядом с одного предмета на другой в поисках хоть малейшей помощи и наткнулась на стоящее совсем рядом у моих ног ведро с водой и тряпкой. Ни минуты не задумываясь, резко наклонилась, схватила тяжеленную бадью, и, видать, на адреналине перевернула прямо со всем содержимым на голову нападающему.

Мужик от неожиданности присел, крикнул и смахнул с себя ведро. Макушку его живописно украшала мокрая половая тряпка, повисая по бокам дырявыми лохмотьями, с волос и одежды бежала вода. Некоторое время он непонимающе оглядывал себя, а когда все-таки сообразил, что произошло, с диким ревом бросился ко мне с кулаками. Но... завис на полпути, перехваченный за руку вовремя вернувшимся Захарием.

– Что здесь происходит? – рыкнул хозяин кабака.

Я, в общем-то, не собиралась ничего говорить, незачем

лишний раз раздражать Захария, а вот из пьянчужки посыпался мат вперемишку с жалобами на пустоголовую шлюху, которая смеет поднять руку на клиента. Конец обличительной речи он подчеркнул плевком мне в ноги. Во мне поднялась волна возмущения. Весь день как проклятая батрачила, а плоды моих трудов коту под хвост? Но я не успела ни озвучить свое негодование, ни тем более что-то сделать. Меня опередил Захарий, резко выбросив вперед кулачище. Вот так спокойно и просто, без каких-либо эмоций. Пьянчужка распластался на полу, то ли не смея, то ли не в состоянии подняться.

– Ты чёй-то, Захарий, а? – заскулил он.

– Говорю один раз, и передай остальным: она, – хозяин ткнул в меня огромным пальцем, – моя родственница. Сверну голову любому, кто хотя бы косо на нее посмотрит. Все понятно?

– Понятно-понятно, отчего же не понять. – Так и не встав с мокрого пола, шустро передвигаясь на четвереньках, мужичонка драпанул из кабака.

Задумчиво глядя на грязные пятки удирающего клиента, Захарий распорядился:

– Марш наверх. Остальное сам уберу. И чтоб носу до утра не показывала. В отхожее место сейчас сходи, как стемнеет – не болтайся по двору.

А заметив, что я не метнулась выполнять указание, раздраженно рыкнул:

– Ну?

– Ну..., как бы..., я с вчерашнего дня не ела. Да и помыть-ся хочется.

Скрипнув зубами, все же сдержался:

– К озеру завтра отведу. А еду принесу позже. Ходит тут у меня один, продуктами расплачивается. Ступай уже.

Почему нужно дожидаться кого-то с пропитанием не совсем поняла, но вопросы задавать не стала. Что я – враг себе? Вон как ловко мужик выкидывает на улицу неугодных, мне же спать все-таки под крышей хочется, пусть она даже и не совсем товарного вида. Покорно поднялась на второй этаж и замерла перед дверью в каморку. Утреннюю побудку мышами я помнила хорошо, и повторения подобного совсем не желала. Поэтому опасливо глянула туда, куда мне надлежало войти, затем – на вход в комнату Захария. И к своему удивлению дальше по коридору увидела еще одну дверь, правда скособоченную, но заинтересовавшую меня донельзя. Вчера я ее не заметила из-за недостаточного освещения? Впрочем, сейчас это было не важно.

Решительно сделала несколько шагов в нужном направлении, нажала на ручку, пытаясь открыть запор, и он, хоть нехотя и скрепя, но поддался. Дверь, скобля по полу с противным скрежетом, приоткрылась. Я опасливо заглянула внутрь. Вполне себе обычная комната, с небольшой кроватью, шкафом вдоль стены и комодом у окна. Пылища везде, правда, но это легко поправимо. Завтра же пройдуся по всем

поверхностям влажной тряпкой, сниму паутину и намою окна.

Единственный и, возможно, для кого-то большой недостаток бросался в глаза не сразу. Лишь решившись зайти внутрь, обнаружила, что слева вместо стены – завал из прогнивших досок обвалившейся, по-видимому, именно в этом самом месте, крыши. Лично меня подобное не смутило ни капли, танцевать я здесь не собиралась, а для полноценного сна мне с лихвой хватит и небольшого закутка с кроватью. На которой, к моему огромному удивлению, оказались матрас, пусть и тощенький, но чистый, небольшая плоская подушка и побитое молю шерстяное одеяло. Роскошь по сравнению с тем, что мне для ночевки вчера досталось от Захария. Вот ведь жмот! Старенькой постели ему жалко для гостей.

Правда, я не совсем гостя. К тому же силком навязанная. Да и кто его знает, почему он эту комнатушку бережет. Быть может, возлюбленная здесь померла? Бр-р-р. Эх, расфантазировалась на ночь глядя. Ладно, на хозяина обижаться не буду, но и себя в обиду не дам. Пусть Захарий только попробует меня отсюда вытурить! Согласна, наглости мне не занимать, но спать в компании с грызунами я просто физически не могу. А отдых требуется любому организму, особенно после трудовых подвигов, одним из которых я сегодня превзошла саму себя.

Прилегла на кровать, и хоть не собиралась спать, пока не разрешился вопрос с моим местом проживания, уплыла в

объятия Морфея.

Проснулась, когда солнце уже село за горизонт, и окрестности, видневшиеся в мутности окна, погрузились в мягкие сиреневые сумраки. Привстав с кровати, обнаружила на комоде узелок, белеющий при брезжившем свете чуть теплящейся свечи. Значит, Захарий приходил. Приходил, оставил узелок, надо думать с едой, и ушел. Не выгнал, ничего не сказал. Одобрил? Или позволил отоспаться в эту ночь, а завтра выгонит взащей? Ах, ну и ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. Авось и оставит. Вот встану завтра пораньше, приготовлю мужику что повкуснее, да и не захочет он расставаться с такой потрясающей поварихой, как я. В ногах будет валяться, лишь бы не покидала его халупу.

С предвкушением развернула на постели заветный узелок, осторожно расправляя грубый холст, чистый, ароматно пахнувший свежей выпечкой. Так и есть! Домашний хлеб. М-м-м. Румяная корочка, теплый мякиш. Видать, совсем недавно приготовили, что не успел еще остыть. Я, не мешкая, отломил кусочек и засунула в рот, прикрыв глаза от удовольствия. Меня захлестнул шквал неземного восторга. Счастье в жизни есть! И оно все это время хитро пряталось в деревенском каравае. Ага.

С трудом оторвавшись от ополовиненного – и когда только успела – хлеба, обнаружила в тряпице еще и небольшой комоч сыра. Впившись зубами в белоснежный бок, чуть не застонала от избытка восторженных чувств – нежнейший

сливочный кусочек блаженства вверг меня в небывалый экстаз. Это оказался лучший ужин в моей не такой уж длинной жизни!

Когда пришла в себя, то на холстине осталось лишь несколько крошек, которые я машинально собрала и отправила в рот. И только тут вспомнила про Захария. А он-то бедолага ел? Или я сметелила все, что предназначалось разделить на двоих? Впрочем, он же сам мне оставил узелок со снедью, наверное, уж себя любимого не забыл покормить.

Я сыто улыбнулась и, упав в постель навзничь, снова заснула.

Утро меня встретило яркими лучами встающего из-за леса солнца, которые настырно щекотали щеки, так и норовя заглянуть под ресницы. Что ж, раз проснулась, придется вставать. Да и дел на сегодня запланировано ого-го сколько. Сейчас по-быстрому приберу на кухне, там трудов не должно быть много, ведь особо свинячить некому – ни клиенты, ни сам Захарий, как мне показалось, в том направлении не забредали, а со слоем пыли и пауками управлюсь в два счета. Затем можно и завтрак с умыванием организовать. И в финале, ближе к обеду – та-да-ам! – пойду устраиваться на работу. Несмотря на предупреждение деда Матвея, даже не сомневалась, что найду тепленькое местечко шеф-повара на самой престижной кухне. А иначе для чего я в этот мир попала?

Сладко потянувшись, прыгнула босыми ногами на теплый

дощатый пол. Хорошо-то как! Прошлепала к окну и распахнула настежь. Свежий воздух с ароматами хвои и душистых трав оказался таким насыщенным и густым, хоть ложками ешь. Вдохнула полной грудью и залюбовалась лесным пейзажем. Обязательно нужно будет прогуляться, а то в лес сто лет не ходила. Для городского жителя это дорогое удовольствие, да и не с руки добираться: сначала на электричке, потом на своих двоих. А окажешься на месте – либо палатка нужна, либо домик снимать. В общем, в последний раз я лесными видами наслаждалась еще в детстве, когда родители и их друзья семьями выезжали на природу, устраивая что-то вроде непродолжительного похода на выходные.

Поулыбавшись свежему ветерку и щебету птиц, я с боевым настроением выплыла в коридор. Вот только дальше пары шагов не ушла. Ну, не могла я выдержать пытку любопытством и решилась-таки заглянуть в комнату Захария, хоть одним глазком. Дверь, как ни странно, поддавалась легко и без скрипа, приоткрыв достаточно большой зазор, чтобы, не заходя в комнату, подробно рассмотреть небольшое помещение, низкий топчан с тощим тюфяком, из дыр которого торчала старая потемневшая солома, и... в общем-то на этом всё, если не считать захламленную часть комнаты, где на двух кособоких столах стояло нагромождение банок, бутылок, змеевиков, реторт и пузырьков, а с потолка свисали травянистые веники. Прямо уголок колдуна-алхимика. В общем, комнату я оценила, как «чуть получше местечка моей

первой ночевки в этом доме, но гораздо скуднее, чем то, которое самовольно вчера заняла». Сам хозяин прямо в одежде спал на топчане, и я поспешила прикрыть дверь, чтобы меня, не дай бог, не застали за поведением недостойным леди, то есть подглядыванием.

Странно-то как. А я точно заселилась в пустующую комнату, или, может, оккупировала личную территорию Захария? Но он мог еще вчера мне это сказать, когда еду приносил. Или не хотел тревожить? Или банально не добудился? Сплю-то я не шибко чутко, особенно умаявшись за день. Ладно, если у него возникнут какие-нибудь претензии, обязательно сегодня выскажется. Чего заранее себе нервы накручивать. Лучше заняться делом.

И занялась. Кухню отмывала с особым старанием и любовью, ведь как-никак, мне же на ней еще и готовить предстояло. Да и не запачканная она оказалась, как я и предполагала, лишь покрытая слоем пыли и паутины из-за долгого небрежения хозяевами. Грязную посуду перемыла, а мусор выбросила. Времени ушло, конечно, больше, нежели рассчитывала, зато, сколько удовольствия от перебирания несовременной (по моим меркам) кухонной утвари, интересных коробочек и баночек со специями, травами, душистыми маслами, про объемные кулинарные книги с рецептами местной кухни и вовсе промолчу.

Я обнаружила много неожиданного и любопытного, вот только самого главного – запасов хоть какой-нибудь еды у

Захария не нашлось. Даже в подполе, где стояли крупные лари для овощей, крупы и муки, а также огромный аппарат с трубочками и колбочками, наверняка самогонный. Даже в леднике, где мог бы заваляться кусочек рыбы или мяса, да на худой конец, старый шмат сала. Ни-че-го! Пусто. Лишь батарея бутылей с темной жидкостью очень похожей на алкоголь. Но едой это даже с большой натяжкой не назовешь.

Вот почему пришлось вчера ждать клиентов, расплачивающихся с хозяином за выпивку продуктами. Мужик видать в своем алкоголизме опустился до того, что даже о хлебе насущном мало заботится. Готовит спиртное, выпивает вместе с клиентами, на выручку покупает сырье для новой отравы, и так по бесконечному кругу.

Не знаю, что больше во мне кипело – возмущение, разочарование или чувство брезгливости. Но сюрпризы последних дней мне явно нравились все меньше.

Послышался скрип досок. Захарий спускался вниз, широко зевая со сна и демонстрируя на удивление белые крепкие зубы. В руках он держал стопку из разноцветных тканей.

– Гляжу, ты закончила на сегодня уборку? – лениво поинтересовался он. И не дожидаясь ответа, всунул мне в руки свою ношу. – Вот, это тебе одежда и полотенце. Пошли, покажу, где мыться.

Я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, стараясь успокоиться и не нагрубить человеку, от которого на данный момент зависела моя судьба в этом мире. В конце концов,

он не виноват, что я свалилась ему на голову, а прожигать собственную жизнь и топить ее в алкогольном угаре – дело сугубо личное. Вот сейчас вымоюсь и пойду устраиваться на работу, благо еще только полдень, самое время – «денежные мешочки» выпалились и в благодушном настроении ждут талантливую и умелую меня.

– Доброе утро, – выдавила я и бросилась догонять Захарию, который, ни разу не обернувшись, вышел из дома и шагнул по выложенной камнем тропинке куда-то в сторону зарослей малины и шиповника. Нырнув за мужчиной в гущу одичавших кустарников, еле сдержала вопль удивления.

Это было просто нереально. Нереально волшебно, нереально красиво, нереально... вообще! Начать с того, что колючие ветки не просто ни разу не оцарапали, но и самостоятельно приподнимались, открывая путь и заплетаясь надомной в зеленый свод, с которого живописно свисали розовые бутоны и крупная спелая ягода. Аромат цветов и малины приятно кружил голову, а все усиливающийся шум воды подсказывал, что возжеленного купания мне не придется долго ждать. Сделав буквально несколько шагов, я вышла к небольшому водопаду и крошечному озерцу. По берегу росла ярко-зеленая шелковистая трава. Несколько плоских гладких валунов прекрасно заменяли скамеечки. И окружала все это великолепие густая стена леса.

– Ух-ты! Что это? – удивленно выдохнула я.

– Озеро, – да уж, Захарий немногословен.

– Но как? Лес-то далеко. А я думала...

– Не важно. В лес не уходи.

– А...

– Вот тут растет мыльная трава. Закончишь – вернешься сама.

Мое «спасибо» полетело в спину уже уходящего мужчины. Станный он. Ну, и ладно. Купальное место предоставил, одежду выдал (надеюсь, не украденную собутыльниками), что еще для счастья нужно.

Мылась я с огромным удовольствием. Вода оказалась теплой. Причем с одного края водопада – горячее, а с другого – прохладнее. Какая температура более комфортная – в ту сторону и шагай. Мыльная травка в ладонях пенилась лучше любого шампуня. А уж само озеро – удобнее всякого бассейна, радовало практичными каменными платформами и ступеньками. Сказочное местечко!

Вволю наплескавшись и тщательно отмывшись, на ходу отжимая скрученные в жгут чистые до скрипа волосы, направилась по мелководью к плоскому валуну, погруженному в воду. Именно здесь я бросила отмачиваться свой старенький сарафанчик, жутко испачканный за время двухдневной генеральной уборки. Скинула с себя буквально на ходу, погружаясь в долгожданные водные объятия. А вот теперь решила постирать. Хоть и «срамная одежда», но все-таки своя, не выбрасывать же. Вот только стирать мне ее не пришлось. Разложив платишко на горячем камне, я удивленно разгля-

дывала отсутствие каких-либо пятен и яркость красок на ткани. Вот чудеса! Видимо, озерные течения, пока вещь отмокала, вымыли всю грязь. Ну, а мыльная травка во время купания и вовсе не экономилась, наверняка пена и сюда попала. Прямо-таки стиральная машинка, созданная матушкой природой.

Возвращаться в дом не хотелось, но нужно было пройтись по городу, поискать работенку, потому я еще недолго погрелась на солнышке в надежде, что волосы хоть немного побсохнут, и принялась одеваться. В стопке, принесенной Захарием, оказались неновые, но чистые вещи: нижняя светлая рубаша с коротким рукавом-фонариком, шерстяное коричневое платье прямого кроя, веревка, сплетенная в косу и применяемая, видимо, в качестве пояса, да тряпочные туфли на пробковой подошве. И все это невероятно крупных размеров. Я прямо худышкой себя почувствовала.

Нижнего белья то ли в этом мире вовсе не носили, то ли мне не выделили. Ну, да и ладно. Я все равно чужое надевать брезгую.

Облачившись в подобие туристической пятиместной палатки и подпоясавшись веревкой, занялась обувью, в которой ноги сразу утонули, как у ребенка, надевшего мамины туфли. Хорошо хоть завязочки к ним прилагались, благодаря которым, обмотав вокруг голени, появлялся шанс не потерять эти калоши.

Когда я в таком нелепом виде предстала перед Захарием,

который усердно натирал стаканы за барной стойкой, то ввела его в ступор. В густой бороде мелькнула, а может просто показалась, усмешка. Вот только одобрение или осмеяние выражала она – не понятно. Я не стала ходить вокруг да около и сразу же сообщила, что собираюсь погулять по городу и поискать работу. Бросив тряпку на столешницу, мужчина вместе со мной вышел на крыльцо.

– Храмовый шпиль видишь? – указал на самое высокое здание. – Это центр города. Ориентируйся по нему и не заблудишься. Обратно пойдешь – просто спроси дорогу к Зачарованному лесу. Дом здесь стоит всего один. Заходи со двора, на крыльцо не лезь, незачем подолом мести перед местными.

Проглотив обиду от несправедливого замечания, я поблагодарила Захария и мысленно пообещала не возвращаться сюда больше. Нечего приличной девушке делать в кабаке среди дебоширов и горьких пьяниц. Впереди меня ждало блестящее будущее! Я это просто чувствовала!

Я торопливо спустилась с трухлявых ступенек и, приволакивая то одну ногу с неудобной обувью, то другую, направилась вперед по дороге, плотно утопанной множеством посетителей этого неуважаемого мной заведения.

Обернувшись напоследок, слегка удивилась отдаленности леса от дома и тому, как быстро я недавно дошла до озера с водопадом и обратно. Но тут же все из головы и выбросила. Мне было, о чем подумать и без странностей этого ме-

ста. Например, сочинить речь для потенциальных работодателей, чтобы подать себя в наилучшем свете. Вот прямо-таки представляю, как выслушав мою саморекламу, мне предлагают должность с наилучшими условиями труда и оплаты.

Городок оказался небольшим, но довольно чистым и уютным, за исключением, разумеется, места вокруг дома Захария. От пустыря, где стоял кабак, пришлось идти минут 15, так и не встретив по пути ни человека, ни даже приبلудившейся собаки. А вот дальше дорога уже была засыпана гравием, по бокам красовались ровненькие заборы и аккуратные домики, в палисадниках пестрели цветники, а во дворах играла румяная ребятня. Чем ближе я подходила к центру города, тем богаче и красивее становились жилища, стали попадаться торговые лавки, а уж на главной площади с храмом и вовсе глаза разбегались. Клумбы и фонтаны, магазины и госучреждения. В городском парке цвели фруктовые деревья, щебетали диковинные птицы, и прогуливались дамочки в роскошных нарядах с кружевными зонтиками в одной руке и обязательным кавалером в другой. Вот туда-то я чуть и не завернула. Вовремя опомнилась, когда меня едва не сшибла четверка белоснежных лошадей, запряженная в коляску. Не по статусу мне сейчас бездельничать в парке, но когда-нибудь непременно вернусь и погуляю.

В первую очередь я, разумеется, направились в таверну, о которой так лестно отзывался дед Матвей. Она находилась на центральной площади, обращая на себя внимание позо-

лоченной резной вывеской. Вот только радушного приема я там не обнаружила. Хозяйка, молниеносно оценив по одежде мою платежеспособность, а вернее ее отсутствие, даже разговаривать не стала, сделала знак вышибале, и я оказалась на улице попой в пыли.

Дальше я принялась методично обходить более или менее прилично выглядевшие дома. Но и в них редкий случай, когда позволяли рассказать причину, по которой я появилась на их пороге. А там, где терпеливо выслушивали, кто с сочувствием, а кто с насмешкой, разводили руками и твердили, что поварих своих хватает – девать некуда. Вконец разочаровавшись, даже начала интересоваться прочей малооплачиваемой занятостью, но и тут меня поджидала неудача. К вечеру вымоталась уже не просто физически, но и морально, упав духом настолько, что пришла к неутешительному выводу: я попала в этот мир за какие-то неведомые грехи, возможно даже не свои, а множества предков, и вынуждена отрабатывать карму до скончания жизни в кабаке Захария. Осталось найти дорогу и вернуться туда, куда меня изначально забросил злой рок. Не будет тебе Анечка ни ресторана, ни даже дешевой забегаловки. Отныне и до самой смерти живи в «хлеву» и даже не надейся на лучшее будущее.

Я завертелась вокруг своей оси, пытаюсь определить местонахождение. Шла-то сюда, не запоминая дороги. Совсем не рассчитывала возвращаться. А вон как все обернулось. Теперь придется наводить справки у местных жителей, где

же этот Зачарованный лес находится. Правда, переживала я зря. Первый же встречный прохожий шустро и понятно объяснил, как выйти на нужную мне дорогу. Да и еще и провел персональный ликбез, из которого я узнала, что лес возле кабака действительно непростой. Зачарованным его называли за то, что о нем мало чего известно. А все потому как, войти в него легко, а вот выбраться назад без помощи одного из рода Всеведа невозможно. Много веков назад была война с первесами (бог знает, кто это такие), тогда враги разрушили городскую стену. Так бы захватчики и покорили город, если б местный маг не создал невероятное чудо. Непроходимый лес вырос буквально на глазах, закрывая дыру в каменной стене. Первесы посмеялись и попытались пройти через этот небольшой клочок растительности. Зачарованный принял всех, все бесчисленное войско, а вот обратно не выпустил. Враги поняли, что проиграли, когда от них осталось не больше сотни. Горстка воинов в ужасе убежала от стен города, а судьба пропавших так и осталась неизвестной. Местные жители не ходят в лес, и лишь сам маг и его потомки беспрепятственно могут там гулять.

Рассказанная сказка на ночь подействовала на меня угрожающе, и без того отвратительное настроение скатилось до нельзя. Добиралась я до кабака долго. И не потому, что далеко. Просто ноги отказывались идти в старый покосившийся дом, наполненный алкоголиками и тунеядцами под предводительством неуравновешенного и неадекватного хозяи-

на. Когда я, наконец, сошла с гравия, и мои туфли-великаны зашуршали по высохшей за день грязи, на город опустились синие сумерки. Как-то внезапно. Вот вроде и видно все, но без подробностей и мелочей, мутно, словно в тумане. Или, может, во сне. Оставшиеся позади освещенные окна резко подчеркивали контраст темной окраины. Да еще промозглость появилась. Я зябко поежилась и прибавила шагу. Шорохи с обочины заставили сердце биться быстрее. Очертания трав и кустов издевательски зашевелились, и даже, кажется, перемещаться стали, преследуя меня. Разумеется, это разыгралось воображение. В самом деле, не бесплотные же духи первесов решили проводить одинокую путницу до дома. Скорее уж горький пьяница ползет по буеракам, торопясь остограмиться в кабаке. Впрочем, от подобной мысли мне стало еще страшнее, и я рванула вперед так быстро, как только мне позволяли большеразмерные туфли, молясь, чтобы они с меня не свалились и не подставили в опасный момент. Больше всего боялась растянуться на дороге, став беззащитной жертвой пугающих звуков и теней.

Когда легкие уже разрывало нестерпимой болью, а в боку кололо так, что каждый шаг давался ценой невероятных усилий, впереди показался трепыхающийся огонек, ярким пятном вырывая из потемок мужскую фигуру. Захарий! На мгновение мне подумалось, что мужчина ждет меня, пытается осветить дорогу и указать направление. Но тут же себя одернула – если б хозяину было до меня хоть какое-то дело,

он бы не стоял терпеливо у крыльца, а пошел навстречу. Наверняка дожидается важного клиента, вот и все. Я слегка замедлила шаг, пытаюсь выровнять дыхание, при этом не особо мешкая. Все-таки я опасалась, что мужчина с фонарём в любой момент может вернуться в дом и оставить меня на растерзание собственного страха в царстве неясных силуэтов и подозрительных шорохов.

Я вихрем пролетела мимо удивленного Захария к черному ходу, и там позволила себе прислониться к стене и отдышаться. Мужчина не пошел за мной в дом, чем подтвердил давешние догадки – ждал он не меня. К черту его, не больно и хотелось. Кроме того, я сейчас не в настроении отвечать на вопросы о трудоустройстве и своей дальнейшей судьбе. А потому пора бы подняться к себе, а то еще дождусь-таки хозяина. Вот утром проснусь и подумаю обо всем на свежую голову. А теперь спать, спать, спать.

О нет! Есть! Мой хороший, мой добрый, мой заботливый Захарий оставил на стареньком комоде узелок с едой! Он самый лучший! А о чем подобная забота говорит, кроме того, что я не останусь этой ночью голодной? Все просто – комнату он признает за мной!

Умяв пару отварных яиц со свежим хлебом, я пришла к выводу – жизнь не так уж и плоха. А то, что ненадолго упала духом, так из-за голода и разочарования. Завтра точно все будет лучше, чем сегодня! Пока же – крыша над головой предоставлена, меня кормят и не гонят на улицу. А это го-

раздо больше, чем есть у иных обездоленных. Мы еще поборемся в этом мире за счастье и удачу!

Утро выдалось восхитительно пасмурным! Тучи не просто закрыли небосвод, а, казалось, покушались даже на землю, скребя по ней пыльным брюхом. Верхушки старых садовых деревьев утопали в темно-серой клочковатой вате. Обожаю ненастную погоду, особенно если сама нахожусь дома. Что может быть лучше, чем дремать под мерный звук дождевых капель, ударяющихся о крышу и карниз? Разве только читать любимую книжку, завернувшись в уютный плед и прихлебывая из большой чашки горячее какао в то время, как за окном бушует стихия.

Правда, дождя не было (пока!), да и прочих атрибутов радости вроде пледа или какао. Но бог с ними. Смурная погода-то вот она! Радует разыгравшимся ветром, аплодисментами листвы, беснующимися стрижами. Так хочется выбежать на улицу прямо босиком, широко раскинув в стороны руки, и запеть. Ну, или хотя бы закричать, так как некоторых, увы, бог красивым голосом и хорошим слухом не наградил.

Я бодренько шлепнула пятками в пол, скинула свой старенький сарафанчик, который по-прежнему использовала в качестве ночной сорочки, и рыбкой нырнула сначала в безразмерную рубаху, а потом – в платье. Подпоясывалась я уже на выходе из комнаты. На всякий случай, уходя, огляделась – не появилась ли на втором этаже еще какая дверь. Но нет, все нормально, видимо, все-таки я в первый день свою ком-

натушку просто не рассмотрела в потемках, а Захарий почему-то ее не предложил.

Генеральную уборку сегодня на первом этаже делать не пришлось, а потому управилась я быстро. Единственное, что расстраивало – ледяная вода, от которой пальцы на руках немели, а кожа шелушилась и шла пятнами. Но это не так страшно, вот научусь пользоваться печкой, которая скромно притулилась в углу кухни, и буду греть себе воду, сколько пожелаю!

Второй этаж отмывать начала с собственной спальни. Да-да, собственной, раз уж Захарий промолчал про мое самовольное заселение, так теперь меня отсюда не выгонишь – упрусь руками и ногами, да еще голосовую атаку подключу.

Первым делом, что я заметила в комнате, втащив туда ведро воды, так это совершенно целые стены и потолок. Вот точно помню, левая часть помещения была погребена под завалом прогнивших досок, над которым зияла дыра. А так как половина комнаты меня вполне устраивала, на другую сторону я лишний раз старалась не смотреть. И вот теперь никак не могла поверить своим глазам, неужели Захарий сподобился вчера починить крышу и убрать отсюда хлам?

Я выглянула в коридор, но там как торчали бревна и доски, так и оставались до сих пор не тронутыми. Выходит, вот эта вся роскошь только для меня? Настроение у меня просто взлетело до небывалых высот. Я с утроенным азартом принялась вымывать, скрести и полировать все, что попада-

лось мне под руку. Оставив сверкать собственное пристанище, я с не меньшим энтузиазмом взялась за кладовку, даже не вспомнив про мышинное семейство, которое, похоже, как раз меня-то не позабыло и отчалило восвояси. Дальше я до блеска начистила полы в коридоре, причем даже там, где с проломленного потолка свисали деревянные осколки, рискуя тем, что в любой момент мне прилетит по макушке старой балкой или черепицей. Слава небесам – обошлось. Уверена, перила и лестница не были столь гладкими и чистыми, даже когда вышли из-под рубанка плотника.

Появившийся из комнаты Захарий подтвердил подозрения, поскольку растерянно озибался и никак не мог вспомнить куда шел. А наткнувшись взглядом в мою дверь, выдавил:

– Поговорить надо.

– Через полчаса на кухне. Ты за это время умоешься, а я вымою пол в твоей комнате.

– Не нужно, – неожиданно уперся он.

– Нужно! Дом зарос пылью и грязью. Толку-то, что я отмыла лестницу, если ты мне ее затопчешь сразу же, как выйдешь из своей спальни.

– У меня на столах нельзя ничего трогать! Незнаючи, можно даже одним касанием отравиться какой-нибудь травкой.

– А я и не буду трогать столы. Просто подотру пол. Надеюсь, пыль-то у тебя там не ядовитая?

К моему удивлению мужчина только махнул огромной

ладонью, хмуро глянув из-под косматой челки. Заскрипели ступеньки, озвучивая каждый шаг спускающегося хозяина.

Попав в «святую святых» – комнату Захария, я, разумеется, не ограничилась одними полами. Каждый уголок выскребла, вычистила окна, перетрясла постель. Увлечлась так, что провозилась никак не менее часа. Однако, когда спустилась на кухню, мужчина сидел за столом и терпеливо меня ждал. И вроде даже не нервничал – лежащие на столе огромные ладони пребывали в спокойствии, а их хозяин в глубокой задумчивости. Мне пришлось несколько раз позвать, прежде чем он обратил внимание, что я сижу рядом.

– Хм, – прочистил горло Захарий, собираясь с мыслями.

Я тоже попыталась вспомнить все то, о чем не так давно хотела бы побеседовать с мужчиной. Но его присутствие сбивало с толку. Накатывала непонятная робость. Вот наверняка, из-за громоподобного голоса с такой сексуальной хрипотцой, от которой, уверена, многие женщины приходят в неопишуемый экстаз. Но не я. У меня, каждый раз заслышав его, замирало от страха сердце. И даже сейчас, когда я вся обратилась в слух, подпрыгнула от неожиданности, стоило Захарию открыть рот:

– Я так понимаю, ты здесь остаешься, – он даже не спросил, а сказал утвердительно.

– Ну, не то, чтобы насовсем, – наглотать не хотелось, но выхода пока другого не видела, а потому, набрав воздуха в легкие, решительно выпалила, – просто я не смогла найти ра-

боту в городе.

– Я это вчера еще понял. Когда ты вернулась. Ведь ты не собиралась возвращаться, правда? – Захарий усмехнулся в бороду.

– Не собиралась, – вздохнула я. – Но меня никуда не взяли. Я на любую работу была согласна, но нигде не требуется прислуга. Как мне «любезно» разъяснили, в очереди на вакантные места свои люди с рекомендациями месяцами стоят, а мне, пришлой, даже и надеяться не на что.

Последние слова произнесла еле слышно от сдерживаемой горечи разочарования, но мужчина услышал:

– Да, в городе все так и есть. Что в нашем, что в соседних. Но и в частных поместьях не лучше – многие мечтают вырваться с тяжелых полевых работ, да попасть в услужение в дом хозяина.

– И как мне быть? – с надеждой посмотрела на Захария. Так хотелось, чтобы хоть раз в жизни мои проблемы взял на себя большой и сильный мужчина. Но опять не сложилось. Мой вопрос просто проигнорировали.

– Раз остаешься, тебе нужно знать некоторые вещи об этом месте. Ну, и договориться о совместном сосуществовании под одной крышей.

– То есть ты не против, если я останусь?

Захарий так на меня взглянул, что я тут же добавила:

– Не насовсем, конечно, пока что-нибудь не придумаю...

Судя по лицу, очень даже против. Но промолчал.

– И ничего, если я поживу в той комнате, которую самовольно заняла?

Я поторопилась оправдаться:

– Совершенно случайно заняла! Просто не могла же я спать там, где бродят толпы мышей. А тут она, еще одна дверь.

– Дом тебя принял, а мое мнение здесь не имеет никакого значения, – бросил Захарий непонятную фразу.

– Хорошо..., – протянула я. – Так что ты хотел мне сказать про совместное проживание?

И тут же в испуге сама себя перебила:

– Ты же не имел в виду действительно совместное?

Мужчина устало смотрел на меня. Во взгляде читалась вселенская мука. Видимо, спрашивал мироздание, за что оно послало ему меня, за какие грехи?

– Конечно, нет, – я ответила за него, облегченно выдыхая, – извини. Ты ни разу не дал мне повода так думать. Прости-прости. Скажи, а ...

Захарий внимательно ловил каждое слово, поэтому я приободрилась и спросила совсем не то, что собиралась.

– Давно ты страдаешь алкоголизмом? – не задумываясь, выпалила. И только потом пугливо прикусила язык и приготовилась наблюдать эмоциональный взрыв.

– Что?

– Извини! Извини! Это, конечно же, не мое дело.

– Чем я страдаю? – густые брови так высоко подскочи-

ли вверх, что не заметить было невозможно даже под густой челкой.

– Ну-у..., выпиваешь. Давно? – я понимала всю бестактность собственного поведения, но меня несло.

– Как и все, с момента совершеннолетия.

– А завязать с этим делом не пробовал?

– С чем?

– С пьянством.

– Каким?

– Да твоим-же! Твоим! В доме срач, извини за выражение, крыша валится, еды – ни крошки. И ладно бы инвалид здесь жил какой, а то руки-ноги-голова на месте. Вместо того, чтобы последнюю рубаху пропивать, лучше б чего-нибудь в доме починил, купил продуктов, одежду...

– Я понял тебя, – перебил Захарий.

Точно обиделся. Потому, что молча встал и ушел в свою комнату. А я сидела и не знала, куда себя деть от стыда: вот зачем влезла в частную жизнь и взялась поучать, хотя сама-то по жизни жалкая неудачница? Я была разочарована тем, что, имея шанс пообщаться с мужчиной по душам, все испортила, и теперь неизвестно, как буду жить рядом с ним, если, конечно, он меня не выгонит взашей. А еще мне хотелось побежать вслед и срочно попросить прощения у хозяина, приютившего приبلудную девку чисто из сострадания. Но не была уверена, что сейчас подходящее время. Я ему причинила боль, видела это в его глазах, но не сделаю ли еще

хуже, если приду извиняться, не дав немного прийти в себя?

Я настолько увлеклась самоуничижением, что пропустила момент, когда Захарий снова появился на кухне, и подпрыгнула на месте от звона монет, которые щедрой россыпью разлетелись по столешнице. Мужчина спокойно высыпал часть денег из кожаной мошны на стол, брякнул остатками, и все вместе пододвинул ко мне.

– Вот ты нашим питанием и займешься.

– Как это?

– Желательно молча, – не дура, поняла, рот закрыла, нотаций и лишних вопросов больше не будет.

– И одеждой тоже. А на счет меня не переживай – не пью я.

– Ага, – только и нашлась, что ответить.

Столько денег! Откуда? Даже я, из другого мира, и то понимаю, что тут целое состояние. От удивления не сразу пришла в себя. Успела лишь крикнуть в спину уходящему Захарии:

– А у тебя какие пожелания будут?

– Что б в лес не ходила, да по вечерам до темна возвращалась.

Ну, это мне по силам. Я даже «за». Вчера таких страхов, пока в потемках бежала, натерпелась. И тут до меня дошел смысл упущенной фразы: «...Не пью я». Что значит, не пью? А как же... Я пыталась припомнить хоть единственный раз, когда видела хозяина кабака пьяным, или хотя бы навеселе. Чтобы от него шел дух перегара или нечистоплотности,

свойственный пропащим людям. Но у меня ничего не получалось. Захарий, сколько я с ним общалась, всегда оказывался трезв. И хотя весь облик его олицетворял запущенность и небрежность, но назвать мужчину грязным тоже было бы неверно. Ему, скорее всего, просто наплевать на себя, условия проживания и собственный внешний вид. Выходит, я ошиблась? Непонятно, что у него произошло, и почему он ведет такой странный образ жизни, но в одном можно не сомневаться – я обманулась, Захарий – не выпивоха.

С этой мыслью одновременно ощутила и невероятное облегчение – все-таки меня напрягала необходимость проживания под одной крышей с мужчиной, наделенным богатырской силой и подчиняющемуся «зеленому змею», и вместе с тем сильнейшее жжение чувства вины – так оскорбить ни в чем неповинного человека, от которого видела только добро.

Я извинюсь. Я обязательно извинюсь своими положительными поступками. Вот прямо сейчас пойду на рынок, благо дорогу теперь знаю, и куплю продуктов. Мужик, наверняка, уже сто лет не ел нормальной пищи. И накормлю по-царски, небось, в жизни не едал тех блюд, какие я умею готовить. А там глядишь и наладится у нас контакт.

Я заразилась таким мощным энтузиазмом, что даже скупивающиеся над городом тяжелые грозовые тучи не помешали мне отправиться за покупками. Встать на моем пути могли только сумасшедшие. Правда нашлись и такие.

Глава 3

С первыми трудностями я столкнулась при попытке купить платье. К сожалению, городок Эльсон, в котором мне предстояло в ближайшее время жить, был очень маленьким, и количество одежных лавок ограничивалось всего двумя. Одна попроще, другая – побогаче: две крупные витрины по бокам от красочной двери с резной вывеской «Лавка илеи Сю» заманивали покупателей прелестными разноцветными платьями в куче оборок и отпугивали невероятно высокой стоимостью, особенно, если сравнивать с ценами соседа, у которого на потертой вывеске значилось «Дешевая одежда». Разумеется, я, девушка экономная, направилась за дешевыми покупками. И пожалела.

В душной, заставленной громоздкими вешалками, лавке оказалось неожиданно темно, так что мне пришлось несколько минут постоять на месте и хорошенько проморгаться, пока глаза после уличного света привыкли к полумраку помещения. С любопытством рассматривая бутик местного разлива, наткнулась взглядом на двух девиц увлеченно общающихся друг с другом на противоположном конце зала. Определившись с направлением, я взяла курс на продавщиц. Вот только добраться до них оказалось не так-то просто – узкие проходы сквозь ряды вывешенной одежды явно предназначались не для моей богатой комплекции. Когда, нако-

нец, нешуточные препятствия оказались позади, с меня уже пот стекал градом.

Я оперлась на прилавок и с облегчением вздохнула – пробираясь через горы тряпья чуть не померла от кислородного голодания. Самое удивительное, что девицы даже ухом не повели, по-прежнему не замечая потенциальную клиентку. Вежливое покашливание также не помогло привлечь к себе внимание. Пришлось веселое щебетание на тему мужчин прервать фразой: «Уважаемые, не будете ли вы так любезны...». И о чудо, две недовольные гримасы соизволили повернуться ко мне. Правда, ненадолго. Презрительно осмотрев меня, точнее, мой наряд, напыщенные губки скривились, выдав дружное фырканье, более соответствующее лошадям, нежели симпатичным девушкам, и снова продолжили чирикать о своем, о женском.

– Уважаемые! – повысила я голос и звонко хлопнула по прилавку ладонью. Продавщицы подпрыгнули и возмущенно уставились на меня. – Мне нужно нижнее белье, а также платье.

Девицы глупо захихикали, прикрываясь розовыми ладошками. Согласна, после того, как мне довелось грациозно просочиться сквозь нагромождения шмоток, выглядела я далеко не презентабельно – прическа растрепалась, влажные пряди волос прилипли ко лбу, дыхание сбилось и стало тяжелым, но это вовсе не повод лишать меня одежды, заметьте, честно заслуженной в их «лавка-квесте». Зря что ли так

старалась?

– Чего оно хочет? – громким шепотом поинтересовалась одна у другой, делая вид, что я слепая и глухая.

– Не знаю, говорит шарадами.

Серьезно? В этом мире как-то иначе покупают одежду? Не как в моем? Хорошо, попробуем по-другому.

– Мне нужно что-то вместо этого, – медленно и внятно проговаривая слова, я указала на собственное одеяние.

– О чем оно? – снова зашептала первая.

– Бредит, – вынесла вердикт другая.

Я схватила первую попавшуюся под руку вешалку с рубашкой и потрясла перед носами девиц:

– Девушки, вещи, одежду, платье. Мне нужно такое, но моего размера, – сначала обвела жестом свою фигуру, а потом еще и для надежности подергала себя за рукав.

– Все-таки оно очень странное, ты не находишь?

– Да-а-а, – протянула вторая, наотрез отказываясь понимать, что мне нужны платье и белье.

Может самой пойти искать что-нибудь подходящее среди этих завалов вещей, которые развешаны хаотично, без какой-либо логической сортировки? Нет уж. Тогда точно здесь погибну смертью храбрых. Тяжело вздохнула и предприняла последнюю попытку «достучаться» до продавщиц:

– Блин блинский! Платье, девушки, платье, – я покружилась, демонстрируя собственное одеяние и всевозможными жестами, указывая на него.

– Чего? – тупо захлопала глазами первая девица.

– Похоже, ищет замену своему роскошному наряду, – сделала вывод вторая, и я ее уже готова была расцеловать, пока не услышала заключительную часть фразы, – но у нас нет ничего подобного, оно, видать, попутало лавки.

– Как думаешь, – по-прежнему игнорируя меня, продолжила первая, – оно само догадается, что мы парусами для кораблей не торгуем? Или все-таки придется тонко намекнуть?

Мои щеки опалило жаром.

– Вы издеваетесь? Мне требуется платье, что в этом непонятного?

– Оно что-то сказала?

– Да, требует...

– Требует?

– Ага, представляешь?

– И чего делать будем?

– А ничего. Чехлов для крупной мебели у нас, увы, нет, – и так это было сказано важно, с апломбом. И снова отвернулись от меня, продолжив сплетничать.

Вот, значит, как. Чем я не приглянулась этим невоспитанным девицам не понятно, но спускать откровенное хамство в любом случае не собиралась. В конце концов, нужно же мне приобрести хоть что-то из одежды.

– Могу я увидеть хозяина лавки? – спросила я спокойно и без эмоций, но очень громко, причем настолько, что продавщицам даже не пришлось специально приглашать своего па-

трона. Низенький толстенький мужичок с заспанным одутловатым лицом и круглым вываливающимся из штанов пузиком, вразвалку и громко пыхтя, спустился со второго этажа сам.

Одна из девиц тут же смутилась и попыталась мимикрировать под висящие рядом плащи и пальто. А вот вторая не растерялась, напротив, она самоуверенно поглядывала то на меня, то на хозяина лавки. Причем, бросая взгляды на мужчину, так призывно улыбалась и облизывала ярко-красные на помаженные губы, что становилась ясна причина дерзкого поведения подчиненной.

Ладно. Мы еще посмотрим, что победит – жадность или сладострастие.

– Здравствуйте, уважаемый, – не теряя времени, я завела разговор, при этом демонстративно теребя поясную веревку, на которой болтался увесистый кошелек. – Вот уж не думала, что в таком достойном заведении мне откажут в простейшем товаре. Неужели у вас не найдется одежды для красивой фигуры?

Кто-то из продавщиц фыркнул, но я не стала обращать внимания – много чести. Огладила одной рукой бедро, попутно дернув пояс, и золотые призывно звякнули, вызвав лихорадочный блеск в хитрых глазках хозяина.

– Ну, что вы, прекраснейшая, – сладким, совсем немужским голосом промурлыкал лавочник, – у нас имеется одежда на любые формы и вкус.

– Правда? – Я нарочито посмотрела в сторону продавщиц. – А мне сказали обратное.

Хозяин строго зыркнул в сторону любовницы, но та лишь равнодушно повела красивым белым плечиком. А вот ее подруга не могла себе позволить подобной роскоши, шустро подскочив к прилавку, она принялась выкладывать платья и панталоны больших размеров. Слишком больших. Я сюда пришла как раз с целью приобрести нечто более подходящее моей фигуре, а не копию того, что уже имелось на мне. Подозреваю, сделала девчонка подобное намеренно. Что ж, война, так война. Раз здесь не собираются продавать так необходимые мне платья и белье, хоть развлекусь немного и утру нос этим... неумным продавщицам.

Я отложила из предложенного несколько вещей в сторону. Для дела пригодятся. Подошла к рулонам с тканью, придиричливо осмотрела и выбрала самый лучший шелк. Перетрясла охапку искусно выделанных и вышитых поясков, присмотрев пяток наиболее ярких. Горка вещей все росла и росла.

Далее я и вовсе вошла в раж. Рассматривала и перебирала все, что мне приносили втроем лавочник и его помощницы, которые наконец-то расшевелились и запрыгали, как шкварки на раскаленной сковородке. Откладывала, разумеется, товар подороже. Когда компания выдохлась, а ассортимент лавки закончился, передо мной образовалась огромная груда всевозможных нарядов и аксессуаров, а перед хозяином за прилавком – забракованные остатки.

– Девять золотых и ... Да бог с ними с медяшками, для нашего лучшего клиента сделаем скидку, – хозяин устало, но счастливо выдохнул. Он был неимоверно доволен предстоящей сделкой и в предвкушении тихонько потирал пухлые ручки.

Я подозревала, Захарий дал мне денег больше, чем требовалось, но не думала, что настолько. За содержимое кошелька можно было бы скупить не только весь товар, но и приобрести саму лавку. Вот это щедрость! Неужели не боится, что заберу денежки и просто не вернусь? Или может, как раз на то и был расчет?

Задумавшись, я и забыла о том, где нахожусь. В себя меня вернул робкий кашель. Лавочник и его помощницы замерли в ожидании оплаты. Я же медлила, понятное дело, не желая расставаться с деньгами ради вороха никому не нужного тряпья. Терзающие меня сомнения, как бы невзначай, продемонстрировала любовнице лавочника, повернувшись к ней лицом. И не ошиблась в своих предположениях – та клюнула.

– Да есть ли у тебя вообще деньги, уважаемая, – последнее слово она сказала таким тоном, словно выплюнула.

Я растерянно захлопала глазами, что легко было интерпретировать и как осознание неплатежеспособности, и в качестве недоумения подобным обращением с клиентом. Кожа на моем лице пошла алыми пятнами от возмущения. Но хозяйская любовница, разумеется, расценила мою реакцию по-своему, что ее весьма подбодрило, и уже более уверенным

тоном принялась меня честить.

– Ходят тут всякие, товар трогают грязными лапами. Спасу от них нет. Навыбирала все самое дорожущее, а платить нечем. Я эту кралю сразу раскусила, как она в лавку вошла. Пытались ее с Жанкой выпихнуть, но не понимает же намеков. Богачку из себя стала строить. Хозяина ей подавай! – она так увлеклась, что не обратила внимания, как я запустила руку в кожаный мешочек и достала внушительную горсть золотых монет, значительно превышающую требуемую оплату. Хозяин счастливо протянул ко мне пухлую ладошку.

– Только побеспокоила занятого человека. А у самой-то и заплатить-то не чем. Нищеврод бессовестный!

Вот и наступил момент моего триумфа. Я перестала делать вид, что глухая:

– Нищеврод, значит? – крикунья, наконец, заметила деньги, осознала важность происходящего и замолчала. Но золото уже отправилось обратно в мошну. – Вот, как у вас обращаются с клиентами.

Продавщица побледнела, а хозяин лавки сглотнул слюну, провожая голодным взглядом монеты.

– Я сейчас же покидаю вашу лавку, уважаемый, и ноги моей здесь больше не будет! А еще всем знакомым расскажу, какие у вас грубые и невоспитанные помощники.

Я с гордо поднятой головой, не слушая оправдания скулющего от дикого разочарования лавочника, прошествовала

к выходу по освобожденному с моей подачи залу. Нет, я не стала хлопать дверью. Это не достойно леди. Я ее аккуратно прикрыла. Пока переходила дорогу, за спиной разносился хозяйский визг, разъясняющий продавщицам правила хорошего тона при общении с клиентами. «Хоть бы обеих уволил», – со злорадством подумалось мне. Но тут же и осекла себя. Нет, не хочу подобных жертв, злые слова глупых девчонок того не стоят. Уж кто-кто, а я знаю, что в этом мире нормальную работу сложно найти. А та, на которую обречены эти несчастные, вынужденные весь день проводить на ногах, угождать клиентам, переглаживать и проветривать после каждой примерки одежду – не самая лучшая. Пусть себе работают. Главное, что б из этой ситуации сделали верные выводы.

Ну, а мне теперь оставался единственный вариант – дорожный магазинчик. Интересно, хватит ли у меня денег на то, чтобы в нем отовариться? Задержав дыхание, я храбро шагнула в светлое помещение. Оно не было загромождено товаром, как в предыдущей лавке. В комнате стояло несколько низких мягких диванов и кресел на кривых позолоченных ножках, пара столиков в комплект, и много цветов, которые располагались в вазах, горшках, подвесных кашпо. Стены, отделанные зеркалами и нейтральной бежевой тканью с веселеньким нежным узором, создавали ощущение уюта. Все говорило о вкусе и богатстве хозяина, нет, определенно хозяйки.

Надо мной тренькнул колокольчик, и из смежной двери показалась немолодая особа. Несмотря на строгую одежду и гладко зачесанные в пучок волосы, дама не выглядела серой мышью. Стильно и дорого – именно так можно было бы описать ее облик. Она идеально вписывалась в интерьер магазина.

– Здравствуйте, илея, – прожурчал мягкий и тихий голос женщины.

– Здравствуйте, илея, – эхом отозвалась я.

Весь пыл и боевой настрой сдулись, как некачественный батут под моим весом – был однажды подобный опыт, когда под горячительным градусом поддалась на уговоры скучающего зазывалы и решилась-таки хоть раз в жизни позволить себе прыгучий аттракцион.

Если дамочка решит сейчас меня выставить из магазина, я даже пикнуть в ответ не посмею, настолько оробела и стушевалась перед этой прямой и ухоженной женщиной. Хрупкая и нежная в своем светлом костюмчике она благодаря изящной фигурке напоминала фарфоровую статуэтку или легкое изысканное пирожное вроде зефира. И пахло от женщины соответствующе – ванилью. Подобное сочетание утонченности на грани уязвимости и уверенной в себе стойкости мне раньше не встречалось.

К счастью улыбка на лице хозяйки магазинчика расцвела, словно только Анечку одну здесь всю жизнь и ждали. При чем не натянутый оскал, а именно душевная улыбка близкой

любящей родственницы.

– Меня зовут Агата Сью, могу я быть вам полезной? – вот как тут не смутиться?

– Наверное, – промямлила я. – Мне нужна одежда больших размеров. Для себя и ... мужчины.

– Понимаю. – Женщина изящно наклонила головку, окидывая мою фигуру цепким взглядом.

– Но мне нужно что-нибудь попроще, не такое, как на витрине, – осмелела я, – повседневная одежда у вас имеется?

– Конечно, илея, – какое интересное обращение у них к женскому полу. Звучит так мелодично, будто леденцы по языку катаются. Позже я узнала, что слово означает «прекраснейшая» и применимо к молодым девицам, а также дамам из высших слоев населения, все остальные общаются друг с другом как придется, максимум «уважаемых» добавляют. – Сейчас принесу, что есть из готового, а если не подойдет, то заказанное придется несколько дней подождать. Пожалуйста, присаживайтесь, ... Как к вам можно обращаться, илея?

– Аня.

– Аня. Красивое имя. Присаживайтесь, Аня. Я сейчас.

Дама усадила меня в кресло, а буквально через минуту вкатила в комнату сервировочный столик на колесах. Передо мной оказались чай и тарелочка с маленькими печеньками. Пока я наслаждалась удивительно ароматным напитком из чашки тончайшего фарфора, Агата принесла целую башню

объемных коробок. С ловкостью фокусника, она принялась извлекать из них наряды, одно другого красивее.

Без оборок и рюш, строгого кроя, удивительно элегантные. А уж качество! Строчки ровные и аккуратные, каждая выточка на своем месте. Дёшево мне эта роскошь точно не обойдется. Но, была не была, беру! Захарий не уточнял, как мне следует тратить то состояние, что выделил на еду и одежду.

Перемерив с десяток платьев, и уточнив цену, я выбрала одно на выход – бардовое, из тяжелого мокрого шелка, и три повседневных, простых и скромных, но не менее изысканных. А также нижние рубашки и панталоны из нежной тончайшей ткани. Согласно местной моде большая часть одежды носилась на шнуровках, благодаря чему необходимость подгонять по фигуре отпадала. Каждая вещь сидела на мне словно влитая. Один комплект нижнего белья и шерстяное платье после примерки я даже не стала снимать. Хватит, находилась пугалом.

После основных покупок по совету Агаты я взялась за аксессуары. Облюбовала крошечную шляпку, к которой прилагался набор булавок и заколок, симпатичный ридикюль, пояс для ношения кошельков, и, собственно, сам кошелечек, куда положила небольшую сумму денег, остальные припрятав в многочисленных складках нижней юбки. Обувью, к огромному сожалению, в лавке илеи не торговали.

Про Захария вспомнилось лишь в последний момент, да

и то мне напомнила Агата:

– Кажется, вы еще говорили про мужскую одежду, Аня.

– Ах, да, точно! Мне нужна самая большая рубашка, нет, две. Самые большие штаны. Две пары. И еще что там носят мужчины под штанами, нижнее белье, в общем.

– Все самое большое. – На лице Агаты мелькнула задумчивость. – У вас такой большой муж, илея?

– Не муж, я на него работаю, но Захарий действительно очень крупный мужчина. – Я попыталась руками показать исполинский рост и ширину плеч хозяина кабака.

– Захарий? Уж не тот ли это Захарий, что живет у Зачарованного леса?

– Он самый. Вы его знаете? – мне показалось или дамочка покраснела? Вот уж не думала, что подобный медведь может кого-то привлечь.

– У нас городок маленький, все друг друга, так или иначе, знают. Кто-то про кого-то просто слышал, кто-то шапочно знаком, кто-то приятельствует, кто-то дружит или и вовсе состоит в родственных связях. Скажем, я его просто видела, но прекрасно представляю размер и требующуюся одежду. Думаю, смогу подобрать что-нибудь и для него. Хотя бы для начала.

В этот раз Агата пропадала в подсобных помещениях так долго, что я успела опустошить чайник и съесть все печенья. Но после обслуживания Жанки и ее подруги, длительное ожидание меня вовсе не напрягало. Напротив, хотелось

побыть одной и прийти в себя. Я с большим удовольствием расслаблялась в мягких объятиях кресла, когда слышался тихий стук каблучков. Агата с виноватым видом разложила передо мной рубашку, штаны и нечто среднее между бриджами и семейными трусами. Из льняной ткани, без вышивки, простейшего кроя.

– Вот. Пока ничего другого предложить не могу. Только под заказ. Сами понимаете, таких крупных мужчин, как Захарий в городе не так уж и много.

Конечно, я понимала. Даже в мегаполисе довольно сложно найти одежду больших размеров, что уж говорить про крошечный городишко с численностью населения в несколько сотен.

– И это уже замечательно! Я вам так благодарна!

Тут Агата густо покрылась краской и выдавила:

– Вот если Захарий на неделе зашел бы ко мне в лавку. На примерку, конечно-же...

– Да, поняла. Я ему обязательно передам, – пообещала, сомневаясь, что Захарий пожелает хотя бы выйти из дома, иначе зачем он меня послал за покупками, которые прекрасно мог бы сделать сам. Проблема-то, как выяснилось, совсем не в деньгах. А в его отказе от жизни. Даже не пьет, а существует, как ... Как растение! Нужно будет у него уточнить, можно ли пригласить для него швею на дом, а то так и придется выкручиваться примеркой «на глаз».

– Вы, пожалуйста, Агата, приготовьте еще хотя бы один

комплект одежды, пусть даже недошитый, а там по размерам недолго окончательно подогнать. Верно?

– Да-да, конечно. Дня за три, думаю, управлюсь. Пусть приходит, я буду ждать.

С оплатой тоже все решилось наилучшим образом, правда, сбить итоговую сумму мне удалось лишь на три золотых, но пятнадцать монет с мелочью, я считаю, за качественные вещи можно уплатить не жалея. Кроме того – доставка за счет заведения. В общем, распрощались мы с Агатой в прекрасных отношениях. А напоследок элегантная илея мне даже порекомендовала хорошего сапожника, который хоть и не подобрал сразу же готовую обувь, но зато снял мерки и обещал к завтрашнему утру сделать пару крепких и красивых сабо.

Не сразу у меня заладилось и с покупкой продуктов. Но с этой загвоздкой я справилась гораздо быстрее, чем в одежной лавке. Торговки на рынке, завидев чужачку, поначалу принялись завышать цены и подсовывать залежалый товар. Не на ту напали! В продуктах я разбираюсь так хорошо, что могу любой из них дать фору. В кафе, в котором раньше работала, нередко реанимировали испорченные рыбу, мясо, молочку, овощи и фрукты. И это после того, как купили товар не первой свежести и уже не раз «воскрешенный» умелыми руками торговцев. Куда местным кумушкам до жуликов нашего прогрессивного мира! В искусстве сбивать цену мне также нет равных. С бОльшим отчаянием, нежели бед-

ные студенты, торгуются только голодные попаданки.

Покидала я местный рынок в отличном настроении, триумфально прижимая к груди огромную плетеную корзину, полную свежайшей провизии, и радуясь отлично заключенным сделкам, благодаря которым муку, крупу, растительное масло и некоторые овощи мне обещали подвезти прямо к дому. А торговки растерянно провожали чужачку взглядом, недоумевая, как той удалось забрать у них лучший товар по смешным ценам.

В общем и целом, можно было бы называть мою вылазку в город удачной, если бы не одно «но», которое «порадовало» меня в конце пути. Мне оставалось пройти лишь дорогу, стекавшую с холма и утоптанную ногами клиентов кабака, когда хлынул дождь. Непроглядной стеной. И я в один миг промокла до нитки. Ну, вот почему бы ливню не начаться чуть-чуть позднее?

Дорога моментально превратилась в кисель, на ее поверхности весело надувались грязевые пузыри, и я, перепрыгивая с кочки на кочку, радовалась, что сегодня у сапожника не нашлось для меня готовой обуви. Мне и платье-то было до ужаса жалко, но его я с легкостью отстираю, а вот туфельки размокли бы в первой же луже. Обязательно попрошу сшить для меня не только красивую, но практичную обувь, чтобы с удобством по этим буеракам лазать.

В дом вошла, громко отбивая дробь зубами. Как же я надеялась оказаться в теплом протопленном помещении, при-

жаться к беленому боку горячей печки, отогреть ледяные пальцы, которые совсем не чувствовала от холода! Но, конечно же, все напрасно. Закрыв за собой дверь и облокотившись на нее, я поняла, что в доме не более жарко, чем снаружи. Разве ветра и ливня нет. Устало поплелась вверх в поисках тепла. Но и тут здорово ошиблась, чего на втором этаже и было предостаточно, так это сквозняков и душа из дождевых капель, пробивающихся сквозь дыры в разломанной крыше.

Я ворвалась в комнату Захария, чуть не сорвав дверь с петель, но хозяина там не оказалось. В щелях гулял ветер, с потолка по стене стекал ручеек, а в окна без занавесок заглядывали темные тучи. Где этого мужика в такую погоду черти носят? Даже зло сорвать не на ком! Возмущение во мне кипело и бурлило хлеще манной каши, забытой на плите.

Спустилась и вышла в зал для посетителей. Здесь, оказалось еще более неуютно и промозгло. Зато нашелся Захарий, который бездумно натирал пивные кружки, хмуро посматривая на хлопающую входную дверь. Да уж, посетителей сегодня можно не ждать. В такую погоду вряд ли кто нос из дома высунет, особенно если в этом доме имеется теплая печка. Разве только совсем уж пропащие подтянутся к ночи.

Я демонстративно прошагала к выходу и потянула за ручку. Сквозняком меня чуть не выбросило на улицу, окатив душем ледяных капель, но я уперлась в порог пятками и одержала маленькую победу над хулиганистым ветром. Дверь-та-

ки поддалась и с грохотом захлопнулась. Кажись намертво. Ну, и ладненько, глядишь, хоть сегодня не будет посетителей подозрительного вида.

Я с грозным видом направилась к хозяину, отбрасывая с лица мокрые пряди волос:

– Захарий, в доме холодно.

Тот безучастно кивнул в ответ.

– Нужно разжечь камин или печку, – «или чем у вас обогреваются» – мысленно добавила я.

Снова кивок.

– Где лежат дрова или уголь?

Захарий перевел на меня уже более осмысленный взгляд:

– Их нет.

– Как это нет?

– Да вот так. Ни дров, ни угля.

– Так рядом же лес!

– И что?

– Разве нельзя набрать там хворосту, нарубить сушняка?

– Нет.

– Почему же?

– Лес Зачарованный. Живой. Его трогать нельзя. Ни единой ветки. Можно брать лесные дары – траву, цветы, листья, ягоды, но тратить только в пищу, не впустую для обогрева.

– Хорошо-хорошо, я поняла. А те гнилые доски, что валяются с потолка на втором этаже?

– Тоже нельзя.

– Но почему?!?

– Ну, м-м. В общем-то, дом тоже не совсем обычный.

– Хорошо. Раритет – это святое. А как же ты обогрел дом зимой?

– Никак.

– Что значит – никак? Тут околеть и при летнем дожде можно.

– Я не мерзну. Дом тем более. А клиенты приходят зимой одетые, к тому же ненадолго.

– А я?

– Что ты?

– Я-то мерзну! Даже сейчас у меня зуб на зуб не попадает! А что будет к осени, когда похолодает? В льдинку превращусь!

– Деньги я тебе дал, можешь купить все, что посчитаешь нужным.

Ага. Могу. Но не сегодня. Даже если решусь в такой ливень пойти снова на рынок, увы, там меня точно никто не ждет. Все давно разошлись по своим теплым домам, сидят возле растопленных печей и уминают за обе щеки горячий ужин.

Я грустно побрела на кухню, растирая ладонями плечи и пытаюсь согреться хоть таким образом. Готовить сегодня мне снова не придется. Нужно хотя бы сделать несколько бутербродов.

Захарий появился, когда я, выставив на стол огромную

корзину с продуктами, распаковывала аппетитно пахнущие свертки. Мне на плечи упала огромная пушистая доха из неизвестного зверя, а в свободную руку всунута кружка. Я с подозрением потянула носом. Знаменитый первачок Захария? Вроде не пахнет спиртом.

– Легкое вино, настоящее на травах, – просветил хозяин, забирая у меня из рук огромный нож и пододвигая к себе головку сыра. – Пей. Согреешься. И точно не заболеешь.

Я пожалала плечами. Хуже-то не будет, ведь так? И попыталась залпом выпить алкоголь. Не получилось. Не по причине крепости, а из-за количества, тут одним глотком не обойдешься. Распробовав же, что пью, принялась остатки цедить маленькими глотками. Действительно легкое ароматное вино было тягучим и нежным, с привкусом летних трав, цветов и незнакомых мне пряностей. Амброзия! Я с сожалением слизнула последние капли со стенок кружки.

По телу расходилось долгожданное тепло, разбегаясь по венам и достигая каждой клеточки. Жарко стало всюду, до кончиков пальцев и, кажется, даже волос. Я стояла, прикрыв глаза, внимая небывалому блаженству.

– Переделась бы в сухое, – вздохнул Захарий, принимая у меня кружку.

Двигаться не хотелось. Совсем. Но я послушно поплелась в свою комнату, где и застыла с раскрытым ртом. На месте обычной кровати стояло обширное ложе с резными столбиками для балдахина. Довольно посредственные двер-

ки встроенного старенького шкафа были заменены на вычурные из красного дерева. В ранее сломанном и заваленном хламом углу красовался фрагмент печи, основная часть которой находилась на кухне этажом ниже, ровнехонько под моей комнатой, и, видимо, выходила трубой уже на крыше. А что это значит для такой мерзлячки, как я? Зимой мне здесь будет тепло! При условии, конечно, исправной топки, но уж это-то я обеспечу. Завтра же сделаю заказ на постоянную поставку угля или дров.

Наскоро скинув с себя мокрую одежду и развесив на широкой спинке кровати, снова облачилась в свой любимый «ночной» сарафан. Завернулась в доху. И замерла перед дверью, не решаясь выйти.

Забота Захария становилась все более очевидной и подозрительной. Чего хочет одинокий мужик от девушки, живущей под его крышей? Догадаться не сложно, особенно, если учесть, что и заступиться за меня некому. А нужно ли это мне? Как сказать. С одной стороны, покровительство сильного и авторитетного (вон как в прошлый раз пьянчужка быстро его понял) мужчины мне не помешает, с другой, прыгать в постель к кому попало за еду и кров – отвратительно. Но есть ли у меня выбор? Это в любовных романах красиво звучит гордый отказ красавицы от объятий нелюбимого, а мне-то как прикажете выживать в жестоком мире без поддержки? Хотя, если честно, не уверена, что смогу себя пере-силить и лечь с этим волосатым великаном, пусть даже он

и оказался несметно богатым трезвенником. И дело даже не в возрасте или внешности, просто я его совсем не знаю. А близость с чужим, это совсем не правильно. И... и ужасно, во всяком случае, для меня.

Я глубоко вдохнула и выдохнула. Нужно расставить все точки над «і», а то при всей этой неопределенности голова кругом и лишний нервоз. Хоть буду знать, к чему готовиться, быть может даже отсрочку смогу выторговать.

Решительным шагом я спустилась вниз. В кухню зашла, высоко задрав нос и расправив плечи – пусть с первого взгляда будет понятно, что меня просто так не сломить!

Захарий сидел за столом и вяло жевал кусок пряного шпика, зажатый между листьями салата. Рядом на разделочной доске лежали такие же странные бутерброды – хлеб с петрушкой, колбаса с салом, огурец с сыром. Нелепое сочетание. Я переложила нарезку на хлебные куски и пододвинула к мужчине. Но он никак не среагировал. Да и вообще, похоже, не заметил моего присутствия в кухне. Что происходит? Что за непонятный транс, в который Захарий регулярно проваливается? Чем он так озабочен, выпадая из жизни, будто спит на ходу?

– И как? Съедобно? – поинтересовалась, усаживаясь рядом и вгрызаясь в башню из пшеничного пористого хлеба, колбасы, сыра и зелени.

– М-м? – очнулся Захарий и уставился на то, что держал в руке. Почесал бороду, сравнил с моим бутербродом и в ко-

торый раз за вечер тяжело вздохнул.

– Что-то случилось?

– А? Нет, ничего.

– Ну, как знаешь...

И словно с головой нырнула в ледяную воду, наконец, заведя неприятный мне разговор:

– Слушай, Захарий, я хотела с тобой поговорить.

– Начинай.

– Я конечно, очень и очень тебе благодарна и за кров, и за еду, и за одежду..., – и осеклась, не зная, как подобрать слова, чтобы не обидеть мужчину.

– Но..., – попытался подтолкнуть он меня к продолжению.

– Но? Ах, да. Но. В общем, сегодняшние подарки вроде денег, шкафа, кровати и балдахина... Давай напрямую – что ты рассчитываешь получить взамен?

– За деньги я рассчитываю получить еду и прилично одетую экономку, которую не стыдно выпустить к людям.

– Экономку? Это кого? Меня?

– С твоим самоуправством ты вряд ли подойдешь на роль обычной прислуги.

– Я стараюсь!

– Верю. Но на прислугу ты все равно не тянешь.

– То есть ты меня повысил до экономки?

– Можно сказать и так.

– Вот! Еще и повышение! Хотя и поработать на тебя толком не успела, а уже экономка. Кровать на двоих. Новый до-

рогуший шкаф...

– Стоп. Какой шкаф, и что за кровать на двоих?

– Еще скажи, ты не в курсе, кто мне комнату обставил по высшему разряду!

– Я благодарен тебе за ту чистоту, что ты навела в доме. Правда. Ты удивишься, но время от времени я все-таки замечаю, как и где живу. А то, насколько ты постаралась и всего за несколько дней превратила из этого сви... Хм. В общем, мне все очень нравится, и я очень хотел бы тебя порадовать взамен...

Здесь я напряглась, страшась услышать неприличное предложение в качестве благодарности от Захария:

– Не надо! Пожалуйста! Я всем довольна!

– Так вот, деньги – это все, что я могу предложить...

Слава богу!

– А обновления в твоей комнате... Даже не знаю, как тебе объяснить, чтобы не... расстроить. Но оно само... Этот дом... В общем, просто поверь, что ни делается ... К лучшему. Наверно. Но я не имею к этому никакого отношения.

Ага, еще и скромный. Ну, прям, уникальный мужчина. Ладно, сделаю вид, что поверила.

– И спасибо за ужин, – Захарий по-стариковски тяжело встал и, шаркая ногами, направился в зал для посетителей.

Какой ужин? Сало с веткой зелени? Он так пошутил сейчас? Что происходит, в конце концов, с Захарием? И как я должна реагировать на это безобразие? Закрыть глаза и за-

ниматься своими делами? Или попытаться докопаться до сути и... А что, собственно, «и»? Что в моих силах сделать для совершенно чужого человека, который даже не просил меня о помощи? Быть может и помощь-то ему вовсе не нужна, а я навожу панику. Наверняка у него все хорошо, лишь я слегка не к месту нарисовалась и теперь всюду сую нос да путаюсь под ногами.

Да, скорее всего так оно и есть. Поэтому сейчас я с удовольствием поем и лягу спать, а завтра пойду покупать горючее для растопки печки, заодно и про Захария попытаюсь выяснить, что за фрукт и чем живет. Не может быть, чтобы в таком крошечном городишке никто ничего не знал про человека с неадекватным поведением.

Но к моему великому разочарованию, я ошиблась в предположениях. Про Захария в городе знали до обидного мало.

На базаре, где я наводила справки о том, чем лучше топить печку и где можно купить дрова, мне повторили практически слово в слово сказку о Зачарованном лесе. Дровосеки, пообещавшие не только привезти полешки, но и сложить поленницу, дополнили рассказом о том, что лесником Зачарованного всегда служили потомки того самого мага, который спас много веков назад город от неприятеля. Башмачник, приготовивший для меня отличные сабо, добавил о неизвестном проклятии Дома у леса. А вот уже собравшись возвращаться в кабак и по пути заглянув в лавку, где торговали постельным бельем и занавесками, я познакомилась с

очень занятой бабулечкой. Она-то и поведала мне о том, что запомнилось горожанами, а то и в силу молодого возраста многим было вовсе неизвестно.

Глава 4

Толкнув скрипучую дверь, над которой, накренившись, чернела разъеденная временем и дождями старая деревянная вывеска с лаконичной надписью «Ткани», я попала в мир ярких красок и пыли. Всюду лежали рулоны разноцветной материи, висели полотна, шали, газовые отрезы. В углу у открытого очага, сжавшись в шерстяной узелок, дремала в кресле-качалке крошечная старушка. Кожа ее и цветом, и морщинами напоминала печеное яблоко. Крупный грушевидный нос был единственной выделяющейся частью лица, где все остальные черты терялись в сетке старческих борозд.

– Доброго дня, илея, – поприветствовала я, смущаясь от того, что пришлось потревожить сладкий сон хозяйки.

– Ась? – старушка встрепелась и уставилась на меня подслеповатым взглядом. – А-а-а. Добрый, добрый. – Она извлекла свое тщедушное тельце из качалки и поковыляла ко мне. словно распускающийся бутон, ее одежды распахивались при каждом шаге и удивляли пестрым разноцветьем. На дрожащей головке из жиденьких седых волос была сотворена замысловатая прическа, которую украшал гребень с побрякивающими в такт подвесками.

– Илея, придумает же, – фыркнула женщина, расплываясь в довольной улыбке, похоже, обращение ей пришлось по сердцу. – Не гожусь я для илеи – давно все старухой кличут.

Че в дверях встала? Проходи, давай. Илея.

Я шагнула к прилавку и принялась с преувеличенным интересом разглядывать и щупать попадающиеся мне под руку ткани.

– А по имени вас называть можно? – спросила я и признаться немного засмушалась.

– Можно. Отчѐ ж нельзя? Эгдебельдеризенция я.

Теперь понятно, почему ее все старухой называют. Имя выговорить просто не реально.

– Чѐ ищешь-то, мила? – прихрамывая, добралась-таки до меня хозяйка лавки.

– Постельное белье, покрывала, занавески. Или хотя бы ткань для них. Готовых, я так понимаю, у вас нет?

– Отчѐ же. Все есть. Чѐ ж я – немошная? Шью помаленьку, пока сила в руках еще осталась и глаза видят. Сейчас принесу, жди здесь.

Она также неспешно двинулась к межкомнатной двери, а дойдя, обернулась и поинтересовалась:

– В который дом собралась красоту вешать?

– А? – растерялась я.

– Каждому дому свое убранство требуется. Чѐ за дом спрашиваю? Где живешь?

– А-а. У Зачарованного леса.

– У Закхариуса чѐ ли?

– Ага, у Захария, илея.

– Закхариус он. Графский сын, бывший маг. Это уж в про-

стонародье, шоб язык, значить, не ломать, прозвали Захари-ем. А ты чё же, того не знаешь?

Я готова была подпрыгнуть и от радости потерять ладошки – так вот оказывается, кто в курсе о моем хозяине больше, чем сказано в общеизвестной легенде.

– Впервые вот от вас слышу, – повинилась, скромно опустив глазки к полу. – Он сам не представлялся. А в городе про него и вовсе мало что известно.

– Знамо дело мало. Та история с Эвенизой случилась тридцать лет назад...

– Тридцать? Серьезно?

– Тридцать-тридцать.

– Точно? Вы ничего не путаете?

– Ты меня за старую кошелку чё ли принимаешь? – взвилась старушка, с видом оскорбленной невинности поправляя гребешок в волосах.

– Ну что вы, уважаемая, – начала подлизываться я к бабулечке, – просто Захарий, то есть Закхариус не выглядит так старо. Это сколько же ему получается лет?

– Не знаю я, сколь ему лет, но не мальчик, уж точно. Маги они такие, долго выглядят моложаво. Да и живут поболее нашего.

– Маги? Это вы про Закхариуса?

– Про него, про кого еще. А ты чё, уж и позабыла, о ком разговор ведем?

– Я просто не знала. И что он умеет? – я пыталась вспом-

нить, чем же занимаются всевозможные экстрасенсы в моем мире. – Лечит народ, или там мужей к женам возвращает?

– Ничё уже не умеет. Как все случилось, так силу и потерял. И с тех пор не выходил ни разу в город. Затворником стал.

– А что случилось-то? В городе никто ничего не знает...

– Если кто чё и знал про него, уж давно позабыл. А большинство и не ведали, чё там у них с Эвенизой произошло. Говорю же, давно это было.

– А вы сами, илея, помните хоть что-нибудь о той истории? – с надеждой поинтересовалась я.

– Конечно, я все помню! – гордо задрала нос-грушу бабулечка. – Память еще не потеряла.

– Расскажите? – я даже подалась вперед, так мне не терпелось услышать о событиях из прошлой жизни Захария.

– Сейчас вернусь с бельем и поговорим, – буркнула старушка и черепашьям шагом скрылась за дверь.

Я успела множество раз пересмотреть весь ассортимент товара, выбрать несколько покрывал, посидеть в старушкином кресле-качалке, от безделья нашла старую тряпку и протерла всю пыль с окон, полки и прочих поверхностей, а Эгебе... тьфу-ты, в общем, хозяйка лавки все не шла. Когда я уж было решила, что бабулечка задремала где-то наверху, позабыв о моем существовании – старый человек, какой с нее спрос – та, наконец, появилась с огромной стопкой тканей в руках.

Аккуратно сложив свою ношу на прилавок, старушка принялась перебирать и раскладывать в разные стороны товар.

– Как я говорила, случилось это тридцать лет назад, – начала рассказ старушка важным тоном, – Закхариус аккурат вошел в совершеннолетие и полную магическую силу. Отец его, Замирловикс, неожиданно скончался. И пришлось парню принимать в свои руки вотчину предков да родовые обязанности.

– Это какие? – воспользовалась я паузой.

– Да понятно какие – за лесом приглядывать, Переговорный дом содержать, – и, не делая никаких переходов, – вот эти занавеси тебе нравятся? А то могу сходить за другими. У меня еще, кажись, голубые где-то лежали.

– Нравятся, очень нравятся, – испугалась я, что опять придется битый час ждать возвращения лавочницы.

И поспешила снова задать вопрос:

– А чего за лесом приглядывать? Стоит на месте, и никуда убегать вроде не собирается.

– Он-то не собирается, да мало ль охотников проверить – действительно ли из него нельзя выйти, или это только слухи. Зайдут, да потом ищи свищи. Обычно мальчишки малолетние пропадали, но иной раз и молодёжь по пьяни забредала. Вот таких беспутных маг из рода Всеведа и вызволял из Зачарованного. Враги-то, из-за которых и создавался лес, уж сколько столетий к нам не суются, хоть и стоит город почти на самой границе. Ну, так чё? Эти берешь? Или за дру-

гими занавесями сбегать?

Насмешила. Сбегать она собралась.

– Эти беру. Надеюсь, по размеру подойдут. Я ведь и не подумала с окон мерки снять. А что на счет Переговорного дома?

– Ну, так это сейчас дом стал никому не нужным. А раньше чё ни день – кто-то приходил сделки заключать, документики разные подписывать, важные разговоры вести. Дом-то не простой – уж больно лжи не любит. Если кто соврет в нем – сразу всем станет ясно. Его ж и создал Всевед для заключения мирного договора с вражиной, когда от того почти ничего не осталось. Шобы уж точно быть уверенным, что клятвы, даваемые тамошним королем, не имеют лазеек. А на счет мерки можешь не волноваться, я в молодости в Переговорном служила некоторое время, прекрасно помню, какие там высоченные потолки. Занавеси в самый раз.

Да что вы говорите! Высоченные? Да там того гляди все на голову вместе с крышей ляжет. Не говоря уже, что нет ни одного ровного нескособоченного окна. О чем я сообщать старушке, разумеется, не стала. Проще на месте потом подшить, чем сейчас спорить. К тому же пока рассказывает...

– Но ты, девка, меня не отвлекай, если хочешь слушать – слушай, но не отвлекай. Я такого не люблю. Занавеси, значить, вот эти и эти. А тут, смотри, постельное белье. В самый раз к кроватям, они, как я помню, просторные.

Ага, на весь дом только у меня одна и стоит, да еще ста-

ренький топчан у Захария.

– Так, о чем я? А! Остался Закхариус вроде один. Но не совсем. На самом деле, как отец помер, к нему в дом попыталась переехать невеста. Шутка ли, подобный дворец на весь город один такой был! Эта лиса видать только и ждала возможности. Старый маг-то ее не особо жаловал. Оно и правильно – не след им было с Закхариусом любовь крутить, да не о том речь. Не сбылось ее желание – не ужились они с домом. Как въехала Эвениза, так и убралась через неделю.

Мне очень хотелось узнать, каким же образом невеста «с домом не поладила». Планировка или обстановка не устроила? А что? Быть может, она все выступы мизинцем ноги собрала, потому и сбежала, откуда знать, я-то уже развалюху вместо дворца застала. Но старушка самозабвенно вещала дальше, а перебить я ее не посмела.

– Съехала, значить. А потом потребовала отстроить для нее в центре города дом, да шоб не хуже Переговорного. Вот каков гонор. Закхариус невесте ни в чем не мог отказать, денег у него хватило б и на десять домов, маг же, да еще единственный на весь город, а потому жилье для Эвенизы было вскоре готово. Оставалось дело за малым – свадьбу сыграть. Но тут уж Закхариус настоял на своем – выдержать положенный срок траура по отцу. Одеяла купить не хочешь?

– Хочу. А есть?

– Есть, как же им не быть. Сколько возьмёшь-то?

– Давайте пока два, а там видно будет. А..., – но сказать,

вернее, спросить хозяйка лавки мне ничего не дала, продолжая историю.

– Так вот. Весь город потешался: Эвениза то тут, то там нахвастает, шо свадьба вот-вот будет, а Закхариус на все вопросы отрезает – только чрез год. Тогда-то оно и случилось.

Старушка надолго замолчала, повесив морщинистый костлявый подбородок на грудь. И лишь услышав храп, я поняла, что та заснула. Стоя! С открытыми глазами!

– Х-м-м, – громко откашлялась я, – вот эти покрывала тоже возьму.

Лавочница встрепелась:

– Шо дохаешь? Простудилась? Закхариусу скажи, он хоть уже давно не лечит, но настойки из лесных трав отменные делает, от любого недуга.

Я вспомнила вчерашний напиток, и опять ощутила на губах умопомрачительный вкус цветочного нектара. Захарий говорил, что от простуды. А ведь действительно после прогулки под ледяным дождем я так и не заболела!

– Ну, так вот. Приехали к нам из столицы важные люди, преступника государственного ловить. А во главе – сам герцог..., как же его там звали... В общем не важно имя, главное – герцог! Вот наша Эвениза-то на него и клюнула. Вернее, он клюнул, когда она перед ним подолом крутить принялась. А граф Закхариус, всего лишь граф, и дом евойный в центре города, всего лишь провинциального города, были тут же позабыты. Как только герцог решил все свои вопро-

сы, так устроили шумную помолвку, и укатили с Эвенизой в столицу. Обвенчались там честь по чести. Сам король, говаривают, на их свадьбе присутствовал. Вот так все и было, верь мне. С тебя три золотых и пять серебрушек.

– А Закхариус? – подала голос я, отсчитывая деньги.

– А что Закхариус? – удивилась старушка, будто не о нем все это время историю рассказывала. – Опустился мужик совсем. Дом забросил. Правда, настойки свои да коньяки из трав Зачарованного до сих пор делает. Но та сила, шо раньше в нем была, пропала. Поговаривают, даже заблудшего в лесу теперь не найдет.

Компас, что ли Эвениза у него сперла? Или действительно в этом мире существует магия?

– А что на счет проклятия?

– Како тако проклятия?

– Ну, на базаре слышала... Про дом...

– А ты больше базарных сплетников слушай, они тебе еще и не то наговорят. Нет проклятия, и не было никогда. Сама-то подумай, ведь живешь в доме и нишо.

Попытавшись еще задать несколько вопросов, я поняла, либо больше старушка ничего не знает о тех событиях, либо просто не желает рассказывать. А потому, наскоро договорившись, что ближе к вечеру внук лавочницы принесет мои покупки в Переговорный дом, я поспешила на выход. Чего терять время попусту, когда и без того дел прорва.

Я шла по уже знакомой мне дороге, стараясь сильно не

запылить новенькие удобные сабо, но задумавшись, нет-нет да принималась шаркать ногами, как в детстве, оставляя за собой причудливые протяжные следы. А поразмыслить было над чем.

Бедный, бедный старичок Захарий! Сколько ему сейчас? Около пятидесяти? Ведь тридцать лет назад он успел и в силу войти, как говорила лавочница, и дело отца взять в свои руки, и даже надумать жениться. Хотя кто знает, возможно, на момент событий ему уже было лет сорок. В таком случае простая арифметика подсказывает, что сейчас примерно семьдесят. Впрочем, для двадцатилетней меня и пятьдесят выглядит много, можно сказать, глубокая старость.

И вот в таком возрасте жить одному! Ни одной родной души рядом! Отец умер, про мать и речи не шло, видимо, еще раньше отбыла в мир иной. Не удивительно, что он так долго по изменнице-невесте страдает.

Надо как-то ему помочь. Не могу же я его вот так бросить! Он-то меня на улице не оставил. И я его не оставлю. Чего бы мне это ни стоило, а выведу из депрессии!

Вот только как? Увлечь чем-нибудь? Но чем? Котенок или собачка здесь не подойдут. Требуется лекарство помощнее. Новая любовь? Но он для нее слишком старый. К тому же до сих пор от первой никак не отойдет. Вот ведь задачка. Дедушка-то незнакомый, а я и понятия не имею, чем он интересуется, или вернее, раньше интересовался, сейчас-то в прострации постоянно пребывает. И, самое обидное – спро-

силь даже не у кого. Ну, что ж, поживем – увидим, со временем, без сомнения, возможность сама объявится, а уж я ее постараюсь не упустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.